

Журнал «Казанский экономический вестник» входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, утвержденных ВАК РФ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Научный консультант

И.Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор

Научный редактор

Н.Г. Багаутдинова, доктор экономических наук, профессор

Главный редактор

А.Р. Сафиуллин, доктор экономических наук, доцент

Члены редколлегии:

Ж.М. Аяпова, кандидат экономических наук, доцент, директор Бизнес-школы АО «Казахский гуманитарно-юридический университет» (г. Астана, Республика Казахстан);

В.И. Вагизова, доктор экономических наук, профессор, Институт управления, экономики и финансов, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;

Х.Н. Кафтанджиев, доктор философских наук, профессор, Софийский университет «Св. Климент Охридски»;

Н.В. Киносьян, PhD, Университет Кардиффа (г. Кардифф, Уэльс, Великобритания), ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;

И.А. Киришин, доктор экономических наук, профессор, Институт управления, экономики и финансов, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;

И.К. Кочар, PhD, Экономический университет во Вроцлаве (г. Вроцлав, Польша);

Л.И. Куликова, доктор экономических наук, профессор, Институт управления, экономики и финансов, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;

Р.М. Марданшина, кандидат педагогических наук, доцент, Институт управления, экономики и финансов, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;

А.Р. Масалимова, доктор педагогических наук, доцент, Институт психологии и образования, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;

А.Н. Мельник, доктор экономических наук, профессор, Институт управления, экономики и финансов, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;

В.И. Питербарг, доктор физико-математических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»;

Е.Г. Попкова, доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»;

Л.Н. Сафиуллин, доктор экономических наук, профессор, Институт управления, экономики и финансов, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;

М.Р. Сафиуллин, доктор экономических наук, профессор, Институт управления, экономики и финансов, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;

Н.З. Сафиуллин, доктор экономических наук, профессор, Институт управления, экономики и финансов, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;

А.Ю. Соколов, доктор экономических наук, доцент, Институт управления, экономики и финансов, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;

Б.В. Соколов, доктор технических наук, профессор, ФГБУН «Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации Российской академии наук»;

Е.В. Фахрутдинова, доктор экономических наук, профессор, Институт управления, экономики и финансов, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;

А.И. Шигаев, доктор экономических наук, доцент, Институт управления, экономики и финансов, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Учредитель издания
ФГАОУ ВО
«Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Адрес редакции:

420012,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Бутлерова, д. 4.
Тел. 2-91-13-26

Электронная версия журнала
«Казанский экономический
вестник»
<http://www.ej.kpfu.ru>

Журнал включен
в Реферативный журнал
и Базы данных ВИНИТИ.
Сведения о журнале
ежегодно публикуются
в международной справочной
системе по периодическим
и продолжающимся изданиям
“Ulrich’s Periodicals Directory”
Договор с ВИНИТИ
R0181/034-06

Редакторы:

Е.А. Волошина
Р.Р. Аубакиров

Компьютерная верстка:

А.И. Галиуллина

Основан в 2005 году

Зарегистрировано в федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48457 от 31 января 2012 г.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 8,6. Тираж 500 экз.
Дата выхода в свет: 17.12.2021. Заказ 128/12.
© Институт управления, экономики и финансов КФУ, 2021
Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета
Адрес издателя: 420008, г. Казань,
ул. Профессора Нухина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28
Свободная цена

Точка зрения авторов может не совпадать с позицией редакции.
Рукописи рецензируются и не возвращаются.
При перепечатке ссылка на «Казанский экономический вестник» обязательна.

The journal "Kazan economic vestnik" is included into the list of the leading reviewed scientific journals and editions, in which main scientific results of candidate and doctoral dissertations, approved by State Commission for Academic Degrees and Titles, must be published.

EDITORIAL BOARD

Scientific Adviser

I.R. Gafurov (Doctor of Economic Sciences, Full Professor)

Science Editor

N.G. Bagautdinova (Doctor of Economic Sciences, Full Professor)

Editor-in-chief

A.R. Safullin (Doctor of Economic Sciences, Docent)

Members of the Editorial Board:

Zh. Ayapova (Doctor of Science in Economics, Associate Professor, Head of the Business School 'Kazakh Humanitarian Law University', Astana, The Republic of Kazakhstan)

V. Vagizova (Doctor of Science in Economics, Full Professor, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University)

Kh. Kaftandzhiev (Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Sofia University "St. Kliment Ohridski")

N. Kinoshyan (PhD, Cardiff University, Cardiff, Wales, United Kingdom, Kazan (Volga region) Federal University)

I. Kirshin (Doctor of Science in Economics, Full Professor, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University)

I. Kochar (PhD, Wrocław Economic University, Wrocław, Poland)

L. Kulikova (Doctor of Science in Economics, Full Professor, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University)

R. Mardanshina (Doctor of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University)

A. Masalimova (Doctor of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Institute of Psychology and Education, Kazan (Volga region) Federal University)

A. Melnik (Doctor of Science in Economics, Full Professor, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University)

V. Peterburg (Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Full Professor, Lomonosov Moscow State University)

E. Popkova (Doctor of Science in Economics, Full Professor, Volgograd State Technical University)

L. Safullin (Doctor of Science in Economics, Full Professor, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University)

M. Safullin (Doctor of Science in Economics, Full Professor, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University)

N. Safullin (Doctor of Science in Economics, Full Professor, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University)

A. Sokolov (Doctor of Science in Economics, Associate Professor, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University)

B. Sokolov (Doctor of Engineering Sciences, Full Professor, St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences)

E. Fakhrutdinova (Doctor of Science in Economics, Full Professor, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University)

A. Shigaev (Doctor of Science in Economics, Associate Professor, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University)

Founder of the edition
Kazan (Volga region)
Federal University

Editors Office address:

420012,
Tatarstan Republic,
Kazan, 4 Butlerov st.
Tel. 2-91-13-26

Internet version of the journal
"Kazan economic vestnik"
<http://www.ej.kpfu.ru>

The journal is included in the abstracting journal and VINITI database. The information about the journal is annually published in the international reference system on periodical and continuing publications "Ulrich's Periodicals Directory". Agreement with VINITI RO181/034-06

Editors:

E.A. Voloshina
P.P. Aubakirov

Computer lead out:

A.I. Galiullina

Founded in 2005

The journal is registered by the Federal Supervising Service on observance in the sphere of communication, information technologies and mass communications.
Registration certificate: of January 31, 2012.

Format 60x84/8. Circulation 500 copies.
Release date 17.12.2021. Order № 128/12.
© Institute of Economics and Finance KFU, 2021
Printed at the publishing house of the Kazan University
Publisher address: 420008, Kazan, 1/37 Professor Nuzhin Str.
Tel. (843) 233-73-59, 233-73-28
Free price

The authors' view point may not coincide with the opinion of the Editorial Board.
The manuscripts are reviewed and are not returned.
When reprinted the reference to «Kazan economic vestnik» is required.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Г.Н. Исмаилова. Причинно-следственные связи изменчивости качества товаров и их группировка.....	5
--	---

ФИНАНСЫ И КРЕДИТ

В.С. Аль-лухайби, И.А. Кох. Проблемы при подготовке и выполнении финансового бюджета Ирака на 2021 год.....	14
З.Ф. Габдуллина. Особенности банковского сектора Российской Федерации.....	24
Д.Ю. Захматов. Отношение корпоративного бизнеса в Российской Федерации к управлению экологическими, социальными рисками, а также рисками корпоративного управления (ESG-рискам).....	29

МАРКЕТИНГ И ОБЩЕСТВО

О.В. Мартынова, Е.А. Ревенко. Трансформация инструментов маркетинговых коммуникаций в условиях цифровой экономики	39
--	----

ВОПРОСЫ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Е.Н. Бавыкина, О.В. Мельникова, Р.М. Беликова. Совершенствование системы трудовой мотивации на отечественных предприятиях.....	46
О.Ю. Кукушкина, Р.П. Якунина. Green human resources management – новая мировая концепция управления человеческими ресурсами.....	52
Г.Ф. Валеева. Медицинские услуги и оценка их результирующего воздействия.....	57

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Д.Л. Курбангалиева. Оценка нематериальных факторов: интернет и его влияние на экономики мира.....	62
А.И. Гурьянов, Э.А. Гурьянова. Российский рынок SaaS: тенденции и перспективы	69

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

G.N. Ismagilova. Cause and effective relationship of variability of quality of goods and their grouping 5

FINANCE AND CREDIT

W.S. Al-luhaibi, I.A. Kokh. Problems in preparing and implementing the Iraqi financial budget for the year 2021 14

Z.F. Gabdullina. Features of the banking sector of the Russian Federation 24

D.Yu. Zakhmatov. The attitude of corporate business in the Russian Federation to the management of environmental, social risks, as well as corporate governance risks (ESG risks)..... 29

MARKETING AND SOCIETY

O.V. Martynova, E.A. Revenko. Transformation of marketing communication tools in the digital economy 39

ISSUES OF HUMAN CAPITAL

E.N. Bavykina, O.V. Melnikova, R.M. Belikova. Improvement of the system of labour motivation at domestic enterprises 46

O.Yu. Kukushkina, R.P. Yakunina. Green human resources management – a new global concept of human resources management..... 52

G.F. Valeeva. Medical services and assessment of their results impact..... 57

INFORMATION TECHNOLOGY

D.L. Kurbangalieva. Value of intangible factors: the internet and its impact on the world's economies 62

A.I. Gurianov, E.A. Gurianova. Russian SaaS market: trends and prospects..... 69

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.101.5

Г.Н. ИСМАГИЛОВА,
кандидат экономических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ИЗМЕНЧИВОСТИ КАЧЕСТВА ТОВАРОВ И ИХ ГРУППИРОВКА

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется тем, что группировка способствует лучшему познанию товаров агентами рынка, и недостаточной изученностью проблемы качественной группировки. Однако группировке товара переменного качества все еще не уделяется должного внимания, а имеющаяся неполная информация о свойствах товаров разбросана по разным источникам, недоступным многим потребителям.

Введен термин «группировка переменного качества», определяемый как разделение товарного набора по группировочным признакам на отдельные подгруппы по особенностям изменчивости качества.

Раскрыты причины переменности качества товаров, формируемые в процессе производства и потребления, заключающиеся в том, что, во-первых, в процессе производства товары подвержены отклонениям от параметров качества материалов, полуфабрикатов, погрешности изготовления, сборки, контроля, которые приводят к изменению качества; во-вторых, качество самих производственных факторов зависит от воздействия среды; в-третьих, у каждого индивидуального потребителя есть свое оценочное суждение о качестве товара, что является причиной разброса оценочного значения качества рыночной совокупности потребителей.

Предложена группировка товаров по следующим качественным признакам: использование товара по качеству; идентичность сочетания качества товаров; проверяемость качества товаров; набор качественных характеристик; взаимодействие цены качества товара и богатства потребителей; привязка ко времени – *датированные* товары, географической местности – *пространственные* товары, взаимодействие со средой или миром – *контингентные* товары; цифровые товары программно-изменяющегося качества.

Ключевые слова: товары переменного качества, группировка, классификация, качественная неоднородность.

Актуальность темы исследования определяется тем, что группировка способствует лучшему познанию товаров агентами рынка. Однако группировке товара переменного качества все еще не уделяется должного внимания, а имеющаяся неполная информация о свойствах товаров разбросана по разным источникам, недоступным многим потребителям. Например, профессор В.М. Гальперин и его соавторы в учебнике по микроэкономике, отображая кривые расходов Энгеля на трех соответствующих графиках, указали на наличие нормальных, некачественных и высококачественных товаров [3]. Исследования товаров переменного качества нобелевских лауреатов содержатся

в переводных изданиях, которые были выпущены еще более десяти лет тому назад: Дж. Акерлоф, описывая модели различных рынков – подержанных автомобилей, труда, страхования и др., выделил товары, различающиеся по градациям качества. Они относятся к группе товаров дискретно изменяющегося качества. Продавцы Акерлофа различают единицы товаров с разными градациями, а покупатели знают лишь об их вероятности, но не знают, к какой градации относится та или иная единица [1]; Ж. Тироль, изучая повторные покупки, делает вывод, что они позволяют потребителям контролировать качество, оценить качество продукта на основе собственного опыта. По его

мнению, «низкая цена может быть сигналом высокого качества, если она привлекает большее число потребителей, чем высокая цена товара» [17]. Акерлоф и Тироль, сами того не осознавая, продемонстрировали формирование и появление на рынке новой группы товаров, а именно товаров дискретно изменяющегося качества. Таким образом, рассмотренные нами примеры подтверждают наличие на рынке новой группы товаров – товаров переменного качества. В результате анализа этих примеров и определяя интервалы изменения переменной величины качества, мы можем с уверенностью отметить, что товар переменного качества может быть во всех этих указанных статусах – дискретного и непрерывного качества или заданного в определенных градациях. Предлагаемая нами группировка товаров означает объединение множества товаров в подгруппы по выбранным признакам, определяющим их качественные различия между собой. Как известно, качественные признаки выражаются нечисловыми значениями. Они подразделяются на альтернативные, атрибутивные и порядковые [15]. Имеются работы по классификации благ, и наиболее полная связана с товарами широкого потребления, которые приобретаются конечными потребителями для личного пользования. К ним относятся товары повседневного спроса, предварительного выбора, особого спроса и пассивного спроса [8]. Подавляющее большинство классификаций выполнено по количественному признаку товаров. В отличие от известных нами предлагается группировка, осуществляемая по признаку изменчивости качества. Под качественной группировкой товаров будем понимать распределение всего множества товаров переменного качества по устойчивым подмножествам, осуществляемое по качественному признаку.

В связи с недостаточной изученностью проблемы качественной группировки товаров предложим следующую группировку. Товары переменного качества группируются по следующим группировочным признакам:

1. Группировка по признаку использования товара по качеству. Произведенные товары по своим качествам разделяются на две большие группы, определяемые типами потребителей:

конечные товары широкого потребления – для удовлетворения потребностей потребителей, и товары производственного назначения – для производства другого нового товара. По этой причине они образуют две большие группы – потребительские товары (consumer goods) и капитальные товары (capital goods) переменного качества:

а) *потребительские товары* в результате обмена изымаются из производственного процесса, переходят в сферу потребления и в дальнейшем потребляются собственниками. В теоретическом плане в процессе потребления оценивается их качество, устанавливается цена, определяется стоимость, потребительная стоимость и меновая стоимость и т. п., которые графически анализируются на плоскости качества и количества трехмерного пространства;

б) *капитальные товары* – после их производства еще остаются непосредственно в сфере производства или через рынок ресурсов вновь поступают в производственный цикл в качестве сырья, материала, инструмента или технологической оснастки для изготовления другого нового товара [12].

Такой товар в теоретическом плане первоначально исследуется на плоскости цены и качества на предмет установления цены качества одной единицы (одного) товара, а затем на плоскости цены количества анализируются такие категории, как спрос, предложение, равновесная цена и равновесный объем. Данный подход позволяет выяснить взаимодействия и взаимные связи трех категорий товара – цены, качества и количества.

Для изучения проблем переменности качества товаров удобно построить таблицу товаров и воздействий (табл. 1). По вертикали таблицы расположим всевозможные товары, а по горизонтали – всевозможные виды воздействий в процессе потребления товаров.

Факторы производства как причина переменности качества. В процессе производства товары подвержены отклонениям параметров качества материалов, полуфабрикатов, погрешности изготовления, сборки, контроля, которые приводят к изменению качества. Качества самих производственных факторов зависят от воздействия среды.

Эксплуатационные факторы. К эксплуатационным факторам относятся воздействия внешней среды, процессы хранения, транспортировки, механические, климатические, радиационные и биологические воздействия, которые более детально исследованы в работах [13, 21, 23]. Все эти воздействия снижают надежность и вызывают изменения в параметрах качества товаров.

Факторы удовлетворенности потребителя как причина изменения качества товаров. У каждого индивидуального потребителя есть свое оценочное суждение о качестве товара, что является причиной разброса оценочного значения качества рыночной совокупности потребителей, который представляет собой разность между наибольшим и наименьшим значениями качества. Рыночные сигналы, распространяемые потребителями, являются причинами формирования разброса качества каждого товара. А потребителями разброс в качестве воспринимается как рыночные данные товара. Кроме того, потребители подвержены влиянию рекламы, гарантий производителей о качестве товара и имиджа производителя, что, в свою очередь, влияет на определение интервала разброса рыночного качества товара. Поэтому на рынке тех или иных товаров потребители являются получателями качества. Рыночные сигналы, теория которых разработана нобелевским лауреатом М. Спенсом [10], также являются определяющими факторами изменения качества. Таким

образом, под влиянием вышеперечисленных воздействий товары становятся носителями переменного качества.

2. Группировка по признаку идентичности сочетания качества товаров. Товары по идентичности сочетания качества образуют две подгруппы: качественно однородные (однородность – homogeneity) товары, являющиеся носителями постоянного качества, и качественно неоднородные (неоднородность – heterogeneous goods) товары, являющиеся носителями переменного качества:

а) *качественно однородные товары.* Введение в экономический анализ качественно однородного товара исторически было связано с использованием допущения об однородности, что соответствует ограничению основного постулата неоклассической экономики о постоянстве качества (изокачество), связанного с принципом *ceteris paribus* (с лат. «при прочих равных условиях»). Он позволяет изолировать взаимосвязь между двумя переменными. Например, анализ кривой спроса показывает влияние изменения цены продукта на величину спроса на этот продукт при допущении, что все «прочие условия» (качество, доходы, вкусы и т. д.), влияющие на спрос, остаются неизменными [14, 20]. Критический анализ допущения принципа «при прочих равных условиях» представлен в статье [5]. Примером однородного товара является стандартизованный товар, все единицы которого полностью

Таблица 1

Причины переменности качества товаров, формируемые в процессах производства, обмена и потребления

Товар	Потребительские товары		Капитальные товары			
	Краткосрочного пользования	Длительного пользования	Сырье	Оборудование	Здания	Сооружения
Воздействие	Область изменения качества					
Факторы производства						
Рыночные сигналы						
Эксплуатационные факторы						
Факторы удовлетворения и оценки качества потребителей						

заменяют друг друга. Это продукт, который покупателю безразлично, у кого покупать, при условии одинаковой цены. Таковыми являются запасные части и проч.

Согласно этому ограничению, однородные товары неразличимы между собой как со стороны «производителей – продавцов» (producer – seller – *PS*), так и со стороны «потребителей – покупателей» (consumer – buyer – *CB*), что также является ограничением о неразличимости. В дальнейшем нами будут использоваться указанные выше сокращения. *PS* и *CB* принимают решения о том, что качество товара постоянно ($v = \text{const}$). Подобный подход, с одной стороны, упрощает экономический анализ таких категорий, как спрос и предложение, а с другой – порождает уход от реализма. В теоретическом аспекте эти сокращения означают только то, что достигнутые результаты теории происходят благодаря снижению реализма цены, качества, величин спроса и предложения, но при сохранении системности теории;

б) *качественно неоднородные товары*, которые позволяют потребителям и производителям их различать. Эволюция и развитие теории товара могут быть реализованы и достигнуты благодаря введению в экономический анализ понятия переменного качества, что будет приводить к снижению силы ограничения об однородности товара. Это означает только то, что необходимо ввести в экономический анализ такой товар, который является носителем переменного качества. Качественно неоднородный товар – это и есть товар переменного качества ($v = \text{variable}$). В рамках концепции переменного качества однородный товар выступает как частный случай. На наш взгляд, снижение такого сильного ограничения, как однородность, было достигнуто в результате эволюции и развития самой экономики знаний. Современную экономику по ряду признаков по праву можно считать экономикой знаний [4], в которой мы встречаем *PS* и *CB*, владеющих знаниями о переменности качества товаров. *PS* и *CB* сегодня способны обнаруживать, оценивать и различать качественные различия между товарами. Неоднородные товары могут быть ограниченными, но не совершенными заменителями друг

друга, и для каждого из товаров существуют собственные кривые спроса и предложения, определяющие его цену. Фирмы могут выпускать достаточно близкую, по сути, продукцию, но дифференцировать ее с помощью рекламы. В результате продукция с точки зрения *CB* может стать неоднородной. С другой стороны, когда товары, предлагаемые производителями (продавцами) на данном рынке, не обладают постоянством качества, то такие товары также представляются неоднородными.

3. Группировка по признаку проверяемости качества товаров. К этой группе относятся товары, качество которых проверяемо до их покупки (головные уборы, одежда, обувь). О параметрах качества или характеристиках товара потребители узнают только после его покупки (примером является консервированная пища). Качество таких товаров трудно проверяемо или проверяется редко даже после их потребления (лекарства, зубные пасты), они образуют группу проверяемых товаров (experience goods) [19, 22, 24]. К основным проблемам, возникающим в процессе их потребления, можно отнести получение от фирм достоверной информации о качестве, а в этом случае обеспечение повторных покупок потребителем требует, чтобы фирмы поддерживали достигнутый уровень качества и неухудшение своей репутации.

4. Группировка по признаку набора характеристик. Товары можно представить как набор следующих характеристик: оформление, качество, место положения, время, доступность, наличие у потребителей информации о существовании товара и его качестве. Каждый потребитель классифицирует товар по набору его характеристик. Учитывая потенциальные характеристики товара, можно построить его модель и описание. Этой проблеме были посвящены работы ряда экономистов, в том числе значимые работы Э. Чемберлина [17] и К. Ланкастера.

5. Группировка по признаку длительности пользования. К данной группе относятся товары переменного качества краткосрочного и длительного пользования. Как и любые другие товары, они в результате обмена становятся собственностью потребителя (отдельного человека, домохозяйства и фирмы) – вещью или

объектом потребления. Рассмотрим потребительские и капитальные товары краткосрочного пользования, срок службы которых истекает сразу после их потребления или поступления в производство. Они в результате обмена уже перешли в статус вещи и в процессе потребления, как всякие вещи, переходят из одного качества в другое, т. е. утрачивают качество. Как известно из философского истолкования вещей согласно профессору Кедрову, «между всеми вещами проводятся определенные границы, за пределами которых вещи или явления становятся уже чем-то другим, «отрицаются», теряют свою прежнюю природу [7]. Изменение качества вещи есть коренное изменение самой вещи, есть превращение в другую вещь». Что касается потребительских товаров – например, еда, оказывая влияние на организм человека, обеспечивает ему жизнь. Еда превращается в энергию, давая человеку чувство сытости и ощущение силы. Капитальный товар, превращаясь в производственный ресурс, в технологическом процессе производства переходит в «тело» нового товара. Если говорить о потребительских и капитальных товарах длительного пользования (*durable goods*), потребляемых на протяжении относительно длительного времени – в течение нескольких месяцев или лет, например, телевизорах, швейных машинах, автомобилях, токарных станках, технологической оснастке, то качество каждого из них сразу и полностью не изнашивается и остается в интервале качественной годности товара к потреблению. Качество изменяется в пределах интервала. «В пределах границ интервала, качественно разделяющих вещи, вещь все еще сохраняет свое качество. За пределами границ вещь утрачивает свое качество и превращается в другую вещь. Границы вещей или их определенность находятся внутри самих вещей, выражают их собственную, внутреннюю природу... На этом основании можно сказать, что качество есть внутренняя граница вещи, позволяющая отделять ее от всех вещей другого рода и отождествлять (идентифицировать) с вещами одного с нею рода» [7]. Таким образом, границы интервала качества, в которых товар сохраняет свою природу, определяют его внутренние свойства. Качество и свойство –

это не одно и то же. Качество неотъемлемо от вещи: его изменение означает изменение самой вещи; свойство же, напротив, связано с отношением вещи к другим вещам. Количество есть такая определенность вещи, которая противоположна ее качественной стороне: изменение количества не изменяет самой вещи; последняя остается той же вещью несмотря на то, что меняется ее величина. Поэтому товар в пределах интервала годности качества выражает его относительную устойчивость, внутреннюю целостность и единство. Количество товара выражает изменчивость его существования при неизменности качества самого товара. Поэтому количество есть внешняя сторона товара, его внешняя определенность. Экономическая противоположность категорий качества и количества товара обнаруживается в самом характере отражаемых ими изменений. Количественные изменения в единицах товара приводят к постепенным изменениям качества, которые связаны со спросом и предложением товара. Также отметим, что правила продажи товаров длительного пользования предусмотрены постановлением Правительства РФ [11].

6. Группировка по признаку взаимодействия цены качества товара и богатства потребителей. По бюджету потребителей выделяются две группы товаров – *нормальные* и *инфериорные* (неполноценные, низшие, низкокачественные). Товары называются нормальными, если спрос на них не убывает с ростом дохода (эффект дохода проявляется в росте спроса, между ростом спроса и уровнем дохода взаимосвязь положительная) или эластичность спроса по доходу положительная, что означает, что по мере возрастания дохода покупатели (потребители) приобретают большее количество товаров. Если в товарном множестве все товары являются нормальными, то тогда спрос на них также называется нормальным. К этой группе мы отнесем также элитарные товары (*elitist good*). Синонимом элитарных товаров являются товары роскоши. У таких товаров эластичность спроса по доходу высокая и больше единицы, т. е. при росте дохода спрос на них растет в большей степени, чем сам доход. Эффект дохода у инфериорных товаров отрицательный [14].

7. Группировка по признаку привязки ко времени, географической местности и признаку взаимодействия со средой или миром: *контингентные* товары, переменность качества которых обусловлена воздействием на них природной или экономической среды, что неконтролируемо со стороны потребителей; *датированные* товары, переменность качества которых определяется привязкой каждого товара из множества к определенному моменту времени; *пространственные* товары, расположение которых привязано к определенной географической местности. Имеются примеры подробного обсуждения сущности этой группы товаров, которые содержатся в учебнике продвинутого уровня А. Мас-Колелла [9], а также в работе Э. Малинвауда [20].

Теория цены спроса и предложения указанных товаров связана с условиями непредсказуемости и неконтролируемости природной и экономической среды, что может быть обусловлено состоянием экологии или множественностью самих товаров, когорт потребителей и фирм.

8. Группировка по качественному признаку и физической реализуемости: все товары можно разделить на две большие группы: материально-вещественные (физически реализуемые и качественно осязаемые) и неведущественные (качественно неосязаемой, нематериальной формы) товары. Материальные товары характеризуются ценой, качеством и количеством. Им присущи физические и потребительские свойства. Качество материальных товаров формируется в результате взаимодействия следующих факторов: требований к параметрам качества со стороны потребителей, баз сравнения, мер качества, факторов производства, включая рабочую силу производителя. Последняя как бы «кристаллизует» их в качественные параметры товара. Предполагается, что материальный товар является носителем качества. При этом качество производителя в процессе производства переходит в качество товара. Каждый параметр качества определяется как прогнозируемая величина, которая устанавливается в результате анализа рынка и рыночных сигналов, что более подробно исследовано в нашей статье [6]. Предлагаем

следующее определение термина «материальный товар переменного качества» – это благо, произведенное для общественного потребления, принимающее материальную форму и являющееся носителем качества, определяемого физическими величинами.

9. Группировка цифровых товаров по признаку программного изменения качества. К этой группе относятся следующие цифровые товары: аудио-, видео- и телетехника, компьютерная техника, сотовые телефоны, компактные фотоаппараты, электроника для спорта и туризма, умные часы и браслеты, цифровые игры, программируемая бытовая техника, системы теплых полов и т. д. Рассмотрим все это на примере мобильного телефона Apple. Мобильный телефон относится к разряду многофункциональных товаров – выступая как товар переменного программно-управляемого качества, он одновременно функционирует как часы, телефон, компас, фотокамера, указатель погоды, электронная книга, средство оплаты, навигатор и т. д. Подобные товары относятся к цифровой экономике (веб-, интернет-экономике, электронной экономике). Данным товарам присущи легкость и виртуальность. К тому же они почти не нуждаются в сырье, способны мгновенно и глобально передавать и перемещать большие массивы информации, что обеспечило подъем «нематериального капитализма». По результатам проведенного анализа предложим следующее определение понятия термина «нематериальный товар переменного качества» – это благо, произведенное для общественного потребления, не принимающее материальной формы, качество которого определяется нефизическими величинами, зависящими от качества его производителя. У одних благ, предназначенных для общественного потребления, процесс их производства может совпадать с процессом их потребления (услуги), а у других – нет (ценные бумаги, информация, знания и др.). Переменность качества нематериального товара напрямую зависит от изменения качества его производителя, носит институциональный характер, представляющий собой способ мышления потребителей по отбору факторов качества, изменчивость которых и порождает его переменность. Дополнительно

ный материал по рассматриваемой теме можно найти в статье автора [6]. Согласно Гражданскому кодексу, понятие «нематериальные благо» является собирательным, относящимся к самому благу.

Выводы

Нами введен термин «группировка переменного качества», определяемый как разделение товарного набора по группировочным признакам на отдельные подгруппы по особенностям изменчивости качества. Раскрыты причины переменности качества товаров, формируемые в процессе их производства и потребления. Предложена группировка товаров по следующим качественным признакам: использование товара по качеству; идентичность сочетания качества товаров; проверяемость качества товаров; набор качественных характеристик; взаимодействие цены качества товара и богатства потребителей; привязка ко времени – *датированные* товары, географической местности – *пространственные* товары, взаимодействие со средой или миром – *контингентные* товары; цифровые товары программно-изменяющегося качества.

Литература

1. Акерлоф Дж. Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 91–104.
2. Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса / под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 2000. – Т. 1. – 380 с.
3. Гальперин В.М., Игнатъев С.М., Моргунов В.И. Микроэкономика: в 2 т. / под общ. ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 2000. – Т. 1. – 349 с.; Т. 2. – 503 с.
4. Иванов С.В. Теоретические основы формирования экономики знаний // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 8. – С. 85–92.
5. Сафиуллин Л.Н., Сафиуллин Н.З. Интерпретация допущения «прочих условий» в теории спроса и предложения // Современная экономика. – 2002. – № 3. – С. 18–23.
6. Исмаилова Г.Н., Сафиуллин Н.З. Формирование институтов качества: измерение качества товаров и удовлетворенности потребителей // Казанский экономический вестник. – 2015. – № 1. – С. 34–42.
7. Кедров Б.М. О количественных и качественных изменениях в природе М.: Государственное издательство политической литературы, 1946. – 287 с.
8. Котлер Ф., Армстронг Г. Основы маркетинга / пер. с англ. – 12-е изд. – М.: Вильямс, 2009. – 1072 с.
9. Мас-Колелл А., Уинстон М., Грин Дж. Микроэкономическая теория: учебник: в 2 т. / пер. с англ. Ю. Автономова и др.; под ред. М.И. Левина. – М.: Дело, 2016.
10. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. / под ред. Г.Г. Фетисова, А.Г. Худокормова. – М.: Мысль, 2004. – 767 с.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 19.01.1998 № 55 (ред. от 15.05.2020) «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации».
12. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2021. – 512 с.
13. Сафиуллин Н.З. Анализ стохастических систем и его приложения. – Казань: Издательство Казанского государственного технологического университета, 1998. – 168 с.
14. Словарь по экономике / пер. с англ.; под ред. П.А. Ватника. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 752 с.
15. Теория статистики: учебник / под ред. Г.Л. Громько. – М.: Инфра-М, 2000. – 414 с.
16. Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности: в 2 т. / пер. с англ.; под ред. В.М. Гальперина и Н.А. Зинкевича. – 2-е изд., испр. – СПб.: Экономическая школа, 2000.
17. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции: реориентация теории стоимости / пер. с англ.; под ред. Ю.Я. Ольсевича. – М.: Экономика, 1996. – 351 с.
18. Ironmonger D.S., Lloyd-Smith C.W., Soupourmas F. New products of 1980s and 1990's: The Diffusion of household technology in the decade 1985–1995 // Prometheus (United Kingdom). – 2000. – Vol. 18. – Is. 4. – P. 403–415.
19. Kihlstrom R.E., Levhari D. Quality, Regulation and Efficiency // Kyklos. – 1977. – Vol. 30. – Is. 2. – P. 214–234.

20. *Malinvaud E.* About the role, in older days, of econometrics in quantitative economics // *European Journal of the History of Economic Thought*. – 2007. – Vol. 14. – Is. 3. – P. 423–448.

21. *Nelson P.* Information and consumer Behavior // *Journal of Political Economy*. – 1970. – Vol. 78. – P. 311–329.

22. *Saving T.R.* How much and how often: A model of repeated consumption with endogenous consumption frequency // *Economics Letters*. – 2011. – Vol. 110. – Is. 3. – P. 186–188.

23. *Thomas J.M.* On modelling product heterogeneity in empirical specifications: The formulation and testing of a product quality index // *Applied Economics*. – 1994. – Vol. 26. – Is. 1. – P. 65–72.

24. *Wilde L.L., Schwartz A.* Uncertainty and shopping behavior: An experimental analysis // *Review of Economic Studies*. – 1988. – Vol. 55. – Is. 2. – P. 323–342.

Информация об авторах

Исмагилова Гульнара Наилевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры территориальной экономики, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: gismagilova_85@mail.ru

G.N. ISMAGILOVA,
PhD in Economics, Associate Professor,
Kazan (Volga region) Federal University

CAUSE AND EFFECTIVE RELATIONSHIP OF VARIABILITY OF QUALITY OF GOODS AND THEIR GROUPING

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the fact that grouping contributes to better knowledge of goods by market agents and insufficient knowledge of the problem of qualitative grouping. However, due attention is still not paid to the grouping of goods of variable quality, and the available incomplete information on the properties of goods is scattered across various sources that are inaccessible to many consumers.

The term “grouping of variable quality” has been introduced, defined as the division of a commodity set according to grouping characteristics into separate subgroups according to the characteristics of quality variability.

The reasons for the variability of the quality of goods, formed in the process of production and consumption, are revealed, which consist in the fact that, firstly, in the production process, goods are subject to deviations from the quality parameters of materials, semi-finished products, errors in manufacturing, assembly, control, which lead to a change in quality; secondly, the quality of the production factors themselves depend on the impact of the environment; thirdly, each individual consumer has his own estimated value of the quality of a product or a judgment about quality, which is the reason for the scatter in the estimated value of the quality of the market population of consumers.

A grouping of goods according to the following qualitative characteristics is proposed: use of goods by quality; the identity of the combination of the quality of goods; verifiability of the quality of goods; a set of quality characteristics; the interaction of the price of product quality and the wealth of consumers; time reference – dated goods, geographic area – spatial goods and interactions with the environment or the world – contingent goods; digital goods of software-variable quality.

Keywords: goods of variable quality, grouping, classification, qualitative heterogeneity.

References

1. *Akerlof J.* Market “lemons”: quality uncertainty and market mechanism // *THEZIS*, 1994. – Issue 6. – P. 91–104.

2. *Milestones of economic thought. The theory of consumer behavior and demand.* Vol. 1 / Under. ed. V.M. Halperin. – SPb.: School of Economics, 2000. – 380 p.

3. *Galperin V.M., Ignatiev S.M., Morgunov V.I.* Microeconomics: in 2 volumes / General edition by V.M. Halperin. – SPb.: School of Economics, 2000. – Vol. 1. – 349 p., Vol. 2. – 503 p.

4. *Ivanov S.V.* Theoretical foundations of knowledge economy formation // Socio-economic phenomena and processes. – 2011.
5. Interpretation of assumptions of other conditions in the theory of supply and demand // Appendix to the journal “Economic Sciences”. Modern Economics No. 3. – M.: Publishing house Uchlitvuz, 2002. – P. 18–23.
6. *Ismagilova G.N., Safullin N.Z.* Formation of quality institutions: measuring the quality of goods and customer satisfaction // Kazan Economic Bulletin. – 2015. – No. 1. – P. 34–42.
7. *Kedrov B.M.* On quantitative and qualitative changes in nature. – M.: State Publishing House of Political Literature, 1946. – 287 p.
8. *Kotler F., Armstrong G.* Fundamentals of marketing. Professional edition, 12th / ed. : trans. from English. – M.: I.D. Williams, 2009. – 1072 p.
9. *Mas-Colell A., Winston M.D., Green J.R.* Microeconomic theory: a textbook in 2 kn. / [trans. from English: Y. Avtonomov and others]; under scientific ed. M.I. Levina. – Moscow: Delo Publishing House, Russian Academy of Sciences and RS, 2016.
10. World economic thought. Through the prism of centuries: in 5 volumes / Adjacent ed. G.G. Fetisov, A.G. Khudokormov. Vol. 5 in 2 books. // Worldwide recognition: Lectures of Nobel laureates / executive. ed. G.G. Fetisov Book 1. – M.: Mysl, 2004. – 767 p.
11. Decree of the Government of the Russian Federation of 01.19.1998. – No. 55 (as amended on 15.05.2020).
12. *Raizberg B.A., Lozovsky L.Sh., Starodubtseva E.B.* Modern economic dictionary. – 6th ed., rev. and add. – Moscow: INFRA-M, 2021. – 512 p.
13. *Safullin N.Z.* Analysis of stochastic systems and its applications. – Kazan: Kazan Publishing House. State Tech. University, 1998. – 168 p.
14. Dictionary of Economics / trans. from English; ed. P.A. Vatnik. – SPb.: School of Economics, 1998. – 752 p.
15. Theory of statistics: Textbook / ed. by prof. G.L. Gromyko. – M.: INFRA-M, 2000. – 414 p.
16. *Tyrol J.* Markets and market power: the theory of industrial organization: in 2 volumes. Ed. 2nd rev. / trans. from English; ed. V.M. Galperin and N.A. Zinkevich. – SPb.: Economic School, 2000. – Vol. 1.
17. *Chamberlin E.* The theory of monopolistic competition: (Reorientation of the theory of value) / trans. from English; ed. Y.Ya. Olsevich. – M.: Economics, 1996. – 351 p.
18. *Ironmonger D.S., Lloyd-Smith, C.W., Soupourmas F.* New products of 1980’s and 1990’s: The Diffusion of household technology in the decade 1985–1995 // Prometheus (United Kingdom). – 2000. – Vol. 18. – Is. 4. – P. 403–415.
19. *Kihlstrom R.E., Levhari D.* Quality, Regulation and Efficiency // Kyklos. – 1977. – Vol. 30. – Is. 2. – P. 214–234.
20. *Malinvaud E.* About the role, in older days, of econometrics in quantitative economics // European Journal of the History of Economic Thought. – 2007. – Vol. 14. – Is. 3. – P. 423–448.
21. *Nelson P.* Information and consumer Behavior // Journal of Political Economy. – 1970. – Vol. 78. – P. 311–329.
22. *Saving T.R.* How much and how often: A model of repeated consumption with endogenous consumption frequency // Economics Letters. – 2011. – Vol. 110. – Is. 3. – P. 186–188.
23. *Thomas J.M.* On modelling product heterogeneity in empirical specifications: The formulation and testing of a product quality index // Applied Economics. – 1994. – Vol. 26. – Is. 1. – P. 65–72.
24. *Wilde L.L., Schwartz A.* Uncertainty and shopping behavior: An experimental analysis // Review of Economic Studies. – 1988. – Vol. 55. – Is 2. – P. 323–342.

ФИНАНСЫ И КРЕДИТ

УДК 336

W.S. AL-LUHAIBI,
PhD in Economics,
Kazan (Volga region) Federal University

I.A. KOKH,
Doctor in Economics, Professor,
Kazan (Volga region) Federal University

PROBLEMS IN PREPARING AND IMPLEMENTING THE IRAQI FINANCIAL BUDGET FOR THE YEAR 2021

Abstract. The state's general budget, in its simplest concepts and objectives, represents the state's work plans and programs that include achieving its economic and social objectives within the framework of the economic and social roles played by various countries in the world, in addition to the primary role of the private sector in the process of economic development. The budget is adopted in several stages and trends, including traditional and systemic characteristics, planning systems, programming and budgeting. The Iraqi budget was characterized by the inclusion of operating costs in general government spending, which affected the volume of investment spending. The general budget in Iraq has faced many difficulties and challenges during the implementation process, the most prominent of which was the security instability, which had serious consequences for the failure to achieve budget goals, whether on the operational or investment front. The Iraqi budget also suffered from a fiscal deficit from 2006 until this year. The current research deals with the most important problems in preparing and implementing the 2021 budget, which led to the disruption of financial and economic reform plans and the persistence of the reform dilemma in the state's general budget.

Keywords: General Budget, Common Economy, Budget deficit, Annual federal budgets, Investment Costs.

Introduction

The 2021 budget came under conditions of many challenges, and among the most prominent of these challenges are the repercussions of the financial crisis and fluctuations in oil prices, as well as the repercussions of devaluing the Iraqi dinar against the dollar and the extent to which economic policies are able to implement economic reform programs. Among the objectives included in these programs is the necessity of re-characterizing the role of the state in the economy and society in accordance with the economic and social implications of the constitution, and working to implement them and legislate the required laws. The Iraqi Constitution of 2005 included many articles related to economic

and social affairs, which are considered as starting points for describing the role of the state in the economy and society, and among these articles is Article (25) of the Constitution, which states: "The state guarantees the reform of the Iraqi economy according to modern economic foundations, in a manner that guarantees full investment of its resources, diversification of its sources, and encouragement and development of the private sector".

It is clear from the content of this article that the constitution has made the state's economic and social role a basis for stimulating the premises of development and development, and the legislator was keen to make the economic reform process

that the state sponsored to take place according to modern economic foundations and within the framework of economic diversification policies in which the state can participate in order to activate the role of the sector in the process of economic development [8]. This is a clear confirmation that there should be an economic and social role for the state in the process of economic development combined with an active role for the private sector in order to build a productive market economy based on contemporary economic trends. What is the share of the economic reform process in the 2021 budget? Does the current political and economic reality allow for a re-characterization of the state's economic and social role and the enhancement of the developmental contents of the public budget?

First: The budget and the economic and social role of the state

The state's general budgets had no economic importance in light of the classical economic approach that prevailed before the crisis (the Great Depression) 1929–1932. The private sector in capitalist countries had the appropriate investment environment and conditions to achieve growth and economic development without the need for state economic intervention during the industrial renaissance experienced by many European countries during the eighteenth and nineteenth centuries. Hence, the state's finances were described as “neutral” with regard to economic issues and that the jobs that were entrusted to it fall within the traditional functions of the state in defense, maintaining internal security and spending on the judiciary, which are non-economic functions, and this stage culminated in a complete dependence on the private sector in the allocation of economic resources according to the approach of economic freedom and the hypothesis of competition and the ability of the market mechanism to achieve economic balances and avoid the occurrence of crises according to the conditions provided for industrial capitalist development in that era. However, the subsequent developments in the structure of industrial economic systems, especially after the depression crisis of 1929, and the impact generated by (Keynesian ideas) on the state's general budget

having economic functions, have shown the urgent need for the state's economic role, not in the sense of the economic dominance of the public sector as it was prevalent [3]. Under the central socialist model before the dissolution of the former Soviet Union or some totalitarian economic models, but rather in the sense of employing the state's economic capabilities to support the private sector and enable it to build and develop a productive market economy through which it can increase investments, sustain growth and development and create more jobs and jobs within the framework of productive activities which should be undertaken by the institutional frameworks of companies in carrying out production activities in order to increase and diversify national production and enhance competitiveness in the markets [1].

There was a conflict at the level of the global economic system between the path followed by the private sector according to the principle of economic freedom and the market mechanism, and the path followed by the public sector according to the principle of satisfying needs and the planning mechanism, as each path tried to prove its worth in how to manage and allocate economic resources and achieve social welfare through two extreme development models: the free traditional capitalist model and the traditional central socialist model [11]. The traditional socialist model, according to what was applied in the former Soviet Union, was characterized by extreme centralization that did not give way to private economic activities, which led to curbing individual initiatives and not benefiting from the elements of the market. The efficiency inherent in the activity of the private sector, while we find that the strict traditional capitalism that tried to curb the economic and social role of the state and the absolute bias of free economic activity, has also contributed to generating many problems and difficulties that resulted from the failure of the market to meet an important aspect of economic and social needs, especially in developing countries that are in dire need of an economic role for the country. To support the private sector, provide services and social benefits, and support investments in infrastructure, as well as the state's need to collaborate with the private sector in order to encourage it to increase its contribution to the productive commodity sectors [5].

Hence, the conflict between the public sector and the private sector has eased since the eighties of the twentieth century, after the collapse of the former Soviet Union, as the logic of dialogue and the language of economic interests became more present and acceptable to the countries of the world compared to the logic of political conflicts and the Cold War that prevailed. In the context of this situation, there has become an acceptance of the economic and social role of the state within the framework of its functions in providing what are known as public goods and the failure of the market in certain areas of investment with high social benefits and implications, in return for the success of the market economy in investment fields that require the application of commercial standards and the removal of distortionary prices in order to reach high levels of creativity and production efficiency. Hence, the success of the market system in many aspects and the success of the state in other aspects has resulted in a developed model of partnership between the public sector and the private sector, which has become, in light of contemporary economic data, a third path in the process of economic and social development that all countries of the world need in formulating their economic policies according to conditions and development needs.

It has become possible to distribute roles and jobs between the state and the private sector, yet such a distribution has been denied to the state its ability to work economically according to the commercial standards of a market economy on the grounds that state ownership is essentially social benefits and public services, and that the state's practice of economic activity represents competition displacement of the private sector from important economic activities, in addition to the fact that the prices of state goods represent a distortion of commercial market prices. In fact, such a trend did not differentiate between project ownership and project management and was based on the premise that whoever owns the project is the one who manages the project, while the issue of separation between ownership and management of economic projects has taken a wide space in light of the industrial market economies themselves, through the enormous expansion The role of private shareholding companies in advanced

capitalist economies, as we find that the managers of these companies are not the shareholders who are the real owners of the companies, and therefore ownership can mean financing projects or owning fixed assets in them. Alternatively, the provision of fixed assets and the separation between ownership and the mechanisms that are followed in the management of projects in accordance with the standards of the commercial market. Such a view would make economic activities in the market system not a monopoly of the private sector, as the modern trend of state investments is within what is known as the "private domain", which represents state property designated for obtaining revenues, especially in developing countries that have resources. Financial, it has become based on mechanisms for partnership between the public sector and the private sector that would help to separate the ownership and management style, which tends towards strengthening the principles of the market economy and providing better conditions to benefit from the capabilities of the state and the capabilities of the private sector in the process of economic development, and this is what modern methods have addressed for privatization, which has become more interested in privatizing project management and ensuring its work in accordance with the rules of the market system, and not necessarily ending state ownership in all fields and economic activities.

In light of this, the economic activities practiced by the state have been integrated into its general budget through channels of nutrition and the opposite financial relations between what is allocated to government investments and sovereign wealth funds, and the financial returns generated by these activities contribute to diversifying sources of public revenue to reduce the deficit in cases of crisis and scarcity, as well as to benefiting from the financial surplus in cases of financial abundance.

Second: The mixed economy and the expansion of the economic and social role of the general budget

The acceptance of the logic of partnership and economic cooperation between the economy of the state and the economy of the private sector has played a major role in the crystallization and

emergence of what is known as the mixed economy and the establishment of many countries around the world by the establishment of sovereign wealth funds and governmental investment institutions, especially in most oil-producing countries, which represent government investments integrated with economic activities in a market economy system. Also, such a development in the economic role of the state has helped to form mechanisms for public-private-partnership (PPP), according to what is known as (BOT) Build-Operate-Transfer within the framework of a contemporary development path of a market economy. Through which the oil resources and the general budget in the rentier oil countries have become an important role in government investment activities in support of economic diversification policies and the role of the private sector in the process of economic development. The method of joint industrial projects (the mixed industrial sector) also comes within this framework of the development of the relationship between the state economy and the economy of the private sector [10]. The principle of partnership between public and private investments is based on a premise based on the availability of an attractive investment environment and a sufficient amount of transparency and integrity in the disposal of public money through the state's partnership with professional investors and solid companies, in accordance with legal legislation and government contracts that do not prevail on corrupt practices and the private interests of the influential groups in decision centers.

The mixed economic system that combines the two traditional patterns (planned economy and market economy) has become the most applicable to the reality of the prevailing economic systems, which include a joint relationship between the state economy and the private sector economy, in light of the multiple patterns of market economy and the degree of state intervention and participation in affairs. In economics, the idea of a mixed economy is based on the possibility of applying market economy standards regardless of the nature of the ownership of the means of production and the degree of proportionality between private and public ownership, in the presence of a margin of planning and directive activities practiced by the state, and the separation between project

management and market economy standards and the ownership of the means of production [4].

In this context, the mixed economy model has become a realistic situation that bears many distinctive features that helped to find appropriate solutions to the conflict between the state economy and the private sector economy, and the most prominent of these features are:

1. The multiplicity of patterns and methods of market economy according to the degree and nature of the economic and social role played by the state in its economic system, in proportion to its conditions, development needs and the nature of its political system.

2. The possibility of combining the method of planning, directing and economic organization with the application of market economy standards, even within the framework of the state's economic projects and joint projects with the private sector.

3. Coexistence between public and private ownership of the means of production and maximizing the use of economic resources and capabilities owned by the state, and economic resources and capabilities owned by the private sector.

4. Activating the role of the private sector in the process of economic development and strengthening the role of the market economy in countries those are in dire need of developing their economies through the state's economic role in participating in investment projects, bearing risks and granting incentives to investors to attract local and foreign investments.

5. Develop methods and mechanisms of partnership between the public sector and the private sector, as well as developing methods of joint projects that contribute to encouraging and attracting investments in many economic fields. The experience of mixed industrial sector projects is one of the secretions generated by the mixed economy system in many development experiences in the world.

The inevitability of an economic and social role for the state in light of contemporary economic developments has given impetus to the economic and social functions that should be carried out by the state's general budget, not only in terms of the volume of allocated funds, but the most important aspect is the outputs and development achievements

resulting from these allocations A real one, free from waste and corruption. In the case of rentier oil states, the general budget has become a mirror reflecting the power of oil and its impact on the macroeconomic variables in the national economy, either towards strengthening the rentier situation, wasting resources and underdevelopment of the economy, or towards the approach of economic rationality and rationality in employing the power of oil in enhancing the budget's capabilities and its economic and social implications. , and the governance of its revenues and expenditures in the interest of achieving sustainable development and advancing the welfare and progress of society [6]. To what category does the general budget in Iraq belong among the budgets of the rentier oil countries? The financial features without the economic and social features constituted a clear sign in Iraq's budget, which made it special feature.

Third: The financial features of the general budget in Iraq and its low economic and social implications

Over the past years, the federal budgets of Iraq have witnessed a clear focus on the financial aspects and an increase in the demand for funds without achieving their close connection with development needs. The behavior of preparing and implementing these budgets was characterized by a number of features, including the following: -

1. The continuous increase in the volume of financial allocations and the decrease in the outcome of developmental achievements | the economic and social realization of these allocations, as these expenditures increased from (20,145,100) trillion dinars in 2004 to (105,569,687) trillion dinars in 2019. These allocations reached their climax in the 2013 budget with a value of (138,424,608) trillion dinars [1,8] during the boom in oil prices that exceeded (120) dollars per barrel before the shock of the drop in these prices occurred at the end of 2014, which indicates the extent to which financial allocations are linked in budgets Federal in oil and its revenues and the extent of focus on financial considerations in privatization and government spending not directed by development goals and the results of economic achievements. In this regard, the inflation of financial allocations in the budget and the expansion of exchange operations,

with the scarcity of development achievements resulting from them, would cancel an important condition of the conditions that must be met in the term (general budget) and make it just a piece of paper for financial revenues and expenditures.

2. The absence of the idea of (financial surpluses) no matter how much oil revenues are, and not resorting to isolating a certain percentage of these revenues, especially in the stages of a price boom and increasing global demand for oil, and investing them in investment areas that increase public revenues and diversify sources of income and wealth, in light of the expansion of uncontrolled financial budgets for the federal budgets and the absorption of more financial allocations without taking into account the standards of absorptive capacity necessary to implement these allocations and considerations.

3. Focus in preparing budgets on the concept of (the planned default deficit), which is related to the expansion of the size of the financial allocations in a way that exceeds the proceeds of planned revenues. In this regard, we point out that preparing the budget according to the principle of planned deficit is an acceptable case in order to guard against the possibility of a decrease in revenue, and it is a principle followed in most countries in the world, but the increased focus and attention on this aspect has become an encouraging factor for the expansion of loans within the federal budgets. The service of these loans appears in the subsequent annual budgets in the form of payment of installments and interest, the rate of which exceeded (10) trillion dinars annually, at a time when we find that such a size of the planned deficit did not actually materialize except in a few certain years. In most years, the actual realized revenues were greater than the expenditures actually disbursed at the end of the fiscal year.

All the federal annual budgets included different percentages of the planned deficit, except for the 2004 budget, which was prepared in a way in which the planned revenues exceeded the planned expenditures. The increased attention to the planned deficit when preparing budgets resulted in the total hypothetical planned deficit in the annual federal budgets reaching (259,233,764) One trillion dinars during the period 2004–2019, and it was built on the existence of this size of the hypothetical deficit,

the government borrowing procedures included in the budgets and the expansion of public debt, and the associated annual financial benefits related to the fulfillment of debt services represented in installments and interests.

The budget execution accounts show a clear difference between the planned hypothetical deficit and the actual deficit and surplus through the data related to the actual realized revenues and their comparison with the actual disbursed expenditures, as the data shows during the period 2004–2019, that there is no actual financial deficit, except for a few years in which it was achieved. A limited actual deficit in the budgets (2009, 2013, 2014, 2015, 2016 and 2019), while the rest of the years achieved an actual financial surplus resulting from the superiority of the actual revenues achieved at the end of the fiscal year over the actual expenditures [2]. When an offset is made between cases of actual deficits and cases of actual surplus, we find that the outcome of an actual financial surplus amounted to (54,031,134) trillion dinars as a total for the period 2004–2019, while the continuation of government borrowing to cover the planned default deficit led to an increase in the balance of the general government debt, as The balance of the internal debt only reached (38,331,500) trillion dinars at the end of 2019 after it represented (41,822,900) trillion dinars at the end of 2018 [12], with the exception of external debts.

4. The expansion of the volume of current operating expenses, which takes up the bulk of the annual budget allocations, and the salaries and wages paragraph constitute the largest part of this expansion due to the increasing slack in the governmental administrative body, and the duplication and inflation of many elements of these expenses in an unreal way, in light of the low standards Productivity and performance due to the lack of job opportunities outside the government sector, which indicates the existence of a real problem related to the current operating expenses, which exceeded 70 % of the total public expenditures. This expansion in operational expenses has been accompanied by an increase in the state of slack and an increase in the number of employees and workers in the governmental functional apparatus. Continuing to call for more

appointments due to the lack of job opportunities and jobs in private economic activities as a result of the failure of economic policies and the low economic developmental impact of the public budget in activating the role of the private sector in economic diversification and reducing unemployment problems in society, it is noted that the inflation in current operating expenditures is not only related to the expansion of the salaries and wages section, but also to the extravagance and lack of rationality in the financial allocations of many other components of these expenses. The main issue in the dilemma of operational expenditures and their expansion in the federal budgets is that this expansion is at the expense of investment expenditures related to the formation of assets from capital that compensate for the depletion of oil reserves and the prospects of their future depletion, in addition to the fact that such an expansion in operational expenditures would limit the role that should be exercised by the general budget in the process of development and economic diversification. What Iraq and a number of other countries have followed is to continue to apply the control budget and items that are among the oldest budgets, and one of its characteristics is that it is more interested in financial allocations in light of the weak relationship between these allocations and the development achievements and social benefits that can result from them. However, many countries that still depend on this type of old budget are keen on developing the efficiency of their budgets and increasing their effectiveness towards creating more positive and productive relationships between financial allocations and the outcome of economic achievements and social benefits achieved from them through the governance and control of management procedures. The finances used in the implementation of budgets, as well as the adoption of (shadow budgets) that include investment approaches for projects and approaches to economic activities that require government spending. While many countries in the world have shifted towards using modern budgets, such as the program and performance budget and the zero budget, which are considered among the most governed budgets for budget implementation work, and are more able to achieve correlations between budget

inputs from financial allocations and their outputs from projects and social benefits of development feasibility that are commensurate with the amount of money spent [7]. However, whatever the type of budget in Iraq, the issue is not related to this aspect only, but the most important aspect is the extent of safety and discipline of the environment of government expenditures and implementation work related to these expenditures and that they are free from waste and corruption practices, as the results and achievements of the budget and its development and social outputs remain linked to the methods and the mechanisms through which financial allocations are disposed of, whether with regard to the current operating expenses that are shrouded in many manifestations of waste and extravagance, or investment expenditures related to the conditions and problems of implementing projects and government contracts, as well as the lack of interest in feasibility studies for projects and the application of qualitative specifications in accordance with economic considerations and standards related to cost benefit [9].

Fourth: The 2021 budget and the continuation of the reform dilemma

The 2021 budget followed the same tracks included in the previous years' budgets, and this is evident by reviewing some of the indicators contained in this approved budget:

1. The financial allocations (planned expenditures) amounted to (129,993,009,291) trillion dinars, after the proposed amount was within (164) trillion dinars, which indicates the continuation of the inflation situation in the financial allocations without taking into account the circumstances of the financial crisis and what it requires of rationalization and pressure on expenditures [13]. Operating expenses amounted to (90,784,147,584) trillion dinars, while (29,608,861,707) trillion dinars were allocated for investment expenditures, and this means the continued dominance of current operating expenses over the total financial allocations at a rate of about (70 %), and the salaries and wages paragraph constitute the largest part of this percentage. The continuation of the expansion in operational expenditures would lead to a reduction in the share of investment expenditures necessary

for the state's development and reconstruction projects, and the continuation of reliance on external loans as a justification for the completion of these projects. The reform paper indicates the need to gradually reduce operating expenses in all its components, of which the salaries and wages clause constitute the largest part, by reducing this paragraph from 25 % of the gross domestic product to 12.5 % within three years [13,14]. However, this goal seems difficult to achieve in light of the current economic reality and the indicators contained in the 2021 budget, as it requires, before achieving it, structural reforms in the production sectors and activating the role of the private sector in providing alternative job opportunities [6]. It also requires financial reforms in the budget structure, especially with regard to the rationalizing and compressing the elements of operational expenditures and gradually getting rid of the state of slack in the functional administrative apparatus, in a way that contributes to improving performance, increasing the productivity of business and government jobs, and reducing financial burdens on the public budget. With regard to investment expenditures, its problem lies not only in its low share in the budget, but also in the weakness and inefficiency of the absorptive energy in the implementation of the allocations, and the problems related to government contracts and the methods and mechanisms of project implementation, which are problems that are not far from the obstacles that prevent the achievement of an effective partnership between the sector. The government concerned with investment affairs and other parties related to the affairs of participation in projects and their implementation. In addition, the continued low percentage of investment allocations to the manufacturing and agricultural sectors, as well as the development of tourism projects, is one of the important obstacles to the process of economic diversification and motivating the private sector to participate in these projects. Hence, reforming this aspect is of great importance in order to enhance the role of the budget in government investments, which should be based on economic standards in spending, achieving real developmental achievements, and reducing cases of reluctance and failure that afflict investment projects.

2. The planned revenues amounted to (101,320,141,984) trillion dinars, with oil revenues estimated at (81,171,112,500) trillion dinars, and non-oil revenues estimated at (20,149,029,484) trillion dinars, meaning that the proportion of non-oil revenues became estimated at 20 % of the total revenues there is an increase in this percentage compared to what it was in previous budgets.

Oil revenues were based on a hypothetical oil price of (45) dollars per barrel, and this price is very conservative in light of what oil prices have reached at the present time, as (Brent price) reached more than (60) dollars, and it was possible to raise the hypothetical oil price to (50) dollars in order to increase revenues and reduce the budget deficit.

3. Planned default | this deficit amounted to (28,672,867,307) trillion dinars, and like all previous budgets, we note the continuation of generating such a volume of hypothetical deficit, which is often not achieved at the end of the fiscal year, but often there is a financial surplus resulting from the difference between the hypothetical oil price and the actual achieved oil price. As well as the inability of government agencies to achieve full implementation of the planned financial allocations. And if we take one aspect, which is that the average oil price during 2021 will be in the range of (60) dollars as the actual price, there will be no actual deficit at the end of the fiscal year, even assuming the ability to achieve full implementation of the planned financial allocations, and revenues remain Non-oil unchanged. The existence of this size of the planned deficit in the 2021 budget has created a justification for the continuation and expansion of holding public loans from local government banks and external parties, which amounted to about (20) foreign bodies for the purpose of financing the planned deficit in the 2021 budget, at a time when debt services allocations reached In this budget (9,036,000,000), one trillion dinars is needed to pay the installments and interest on previous debts. The budget also included the continuation of external borrowing from a number of international agencies and banks, amounting to about (23) other external financing bodies for the purpose of financing investment projects for the account of the ministries and governorates, while the revolving balance for the account of

the Ministry of Finance from the previous year amounted to only one trillion dinars for the purpose of contributing to covering the deficit in the 2021 budget.

Conclusion

Based on the foregoing, the continuation of these problems in the preparation and implementation of the budget would lead to the disruption of any efforts for financial and economic reform and the continuation of weakening the role of the state and its general budget in the process of economic development, as well as disrupting the role of the private sector in the development and development of the productive commodity sectors, and the continuation of Iraqi markets' dependence on imported goods and materials.

References

1. Cash Consortium for Iraq. (2020). Cash Consortium for Iraq Brief: COVID-19 Impacts on Prices and Markets. OCHA Services.
2. Data of the annual federal budgets published in the Iraqi Gazette, as well as reports of the implementation of annual budgets | Accounting Department - Ministry of Finance.
3. Esraa S.S., Khaleel I.A., Amer S.M. (2020). The Impact of Budget in the Public Dept in Iraq for the Period, *Journal of Research Gate* 1990–2016. 26. 20–28. DOI:10.4206/aus. 2019.n26.3.3. SCOPUS.
4. Faraj J.H. (2021). Impact of Budget Deficit on the Economic Growth of India. *International Journal of Current Engineering and Scientific Research (IJCESR)*, 8(3). Doi:10.21276/ijcesr, ISSN(Print): 2393 8374 – ISSN (Online): 2394 0697. SCOPUS.
5. Gentillini U., Almenfi M., Dale P., Palacios R., Natarajan H., Rabadan G.A., Santos I. (2020). Social Protection and Jobs Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Measures (version 13). Washington D.C.: World Bank.
6. Hussein A.I., Mahmood S.M., Hussein W.N. (2018) The Relationship Between the Accounting Conservatism and the Financial Performance Efficiency of the Banks According the Data Envelopment Analysis: Evidence from Iraq, *Opción*, Vol. 34, No. 85, pp (2661–2686).
7. ILO. (2020). Rapid assessment of the impacts of COVID-19 on vulnerable populations and small-scale enterprises in Iraq. *International Labour Organization (ILO)*. Retrieved from https://www.ilo.org/Beirut/publications/WCMS_751209/lang-en/index.htm.
8. Iraqi Gazette, the Federal General Budget of the

Republic of Iraq for the fiscal year 2021, Issue 4625 on 4/14/2021.

9. Kadhim E.H. (2021). The Contribution of Quality Costs to Achieve Sustainable Development: An Applied Study in Iraq. *Turkish Journal of Physiotherapy and Rehabilitation*; 32(3) ISSN 2651-4451 | e-ISSN 2651-446X, pp. (17079–17084). <https://turkjphysiotherrehabil.org/pub/32-3.html>. SCOPUS.

10. Mohammed Jabbar Fashakh, Amal Mohammed Salman (2020). THE ROLE OF PARTICIPATION, DISCLOSURE, AND TRANSPARENCY IN THE GOVERNMENT BUDGET. *Journal of Humanities*

& *Social Sciences Reviews*,8(4). eISSN: 2395-6518, pp (789-800). SCOPUS.

11. Sultan J. A., Hussein A. A., Hamdia Sh. M. (2020). Impact of COVID19 on The Global Economy: A case of Iraq. *Journal of Talent Development and Excellence*,12(2s), pp. (2910-2926). SCOPUS.

12. The annual economic report of the Central Bank of Iraq for the year 2019, p. 51.

13. The Reform Paper (White Paper), pg. 50, 2020.

14. World Bank. (2020). White Paper: Iraq – A roadmap for reforms. Washington DC: World Bank.

Информация об авторах

Аль-Лухайби Висам Сами Мохсин, кандидат экономических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: wmohsinal-luhaibi@gmail.com

Кох Игорь Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: Koch-mail@yandex.ru

В.С. АЛЬ-ЛУХАЙБИ,

кандидат экономических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

И.А. КОХ,

доктор экономических наук, профессор

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПРОБЛЕМЫ ПРИ ПОДГОТОВКЕ И ВЫПОЛНЕНИИ ФИНАНСОВОГО БЮДЖЕТА ИРАКА НА 2021 ГОД

Аннотация. Общий бюджет государства в своих простейших концепциях и целях представляет собой планы и программы работы государства, включающие в себя достижение его экономических и социальных целей в рамках экономических и социальных ролей, которые играют различные страны мира, в дополнение к основной роли частного сектора в процессе экономического развития. Бюджет принимается в несколько этапов и направлений, включая традиционные и системные характеристики, системы планирования, программирования и составления бюджета. Иракский бюджет характеризовался включением операционных расходов в общие государственные расходы, что повлияло на объем инвестиционных расходов. Общий бюджет в Ираке столкнулся со многими трудностями и проблемами в процессе осуществления, наиболее заметной из которых была нестабильность в области безопасности, что имело серьезные последствия для неспособности достичь бюджетных целей, будь то на оперативном или инвестиционном уровне. Иракский бюджет также страдал от бюджетного дефицита с 2006 г. по этот год. В настоящем исследовании рассматриваются наиболее важные проблемы, возникшие при подготовке и исполнении бюджета на 2021 г., которые привели к срыву планов финансово-экономических реформ и сохранению дилеммы реформы в общем бюджете государства.

Ключевое слово: общий бюджет, общая экономика, дефицит бюджета, годовые федеральные бюджеты, инвестиционные затраты.

Литература

1. Консорциум наличных денежных средств для Ирака: влияние COVID-19 на цены и рынки // Управление по координации гуманитарных вопросов (УКГВ). – 2020.

2. Данные о годовых федеральных бюджетах, опубликованные в «Иракской газете», а также отчеты об исполнении годовых бюджетов // Департамент регулирования бухгалтерского учета, финансовой отчетности и аудиторской деятельности Министерства финансов Российской Федерации.
3. Эсраа С.С., Халил И.А., Амер С.М. (2020). Влияние бюджета в Государственном департаменте в Ираке за период 1990–2016 гг. // Research Gate. – 2019. Vol. 26. – P. 20–28.
4. Фарадж Дж.Х. Влияние дефицита бюджета на экономический рост Индии // Международный журнал современных инженерных и научных исследований (IJCESR). – 2021. – Vol. 8. – Is. 3.
5. Джентилини У., Альменфи М., Дейл П., Паласиос Р., Натараджан Х., Рамадан Г.А., Сантос И. Меры социальной защиты и занятости в ответ на COVID-19: обзор страновых мер в режиме реального времени (версия 13). – Вашингтон: Всемирный банк, 2020.
6. Хусейн А.И., Махмуд С.М., Хусейн В.Н. Взаимосвязь между бухгалтерским консерватизмом и эффективностью финансовой деятельности банков в соответствии с анализом охвата данных: данные из Ирака // Опцион. – 2018. – Т. 34. – № 85. – С. 2661–2686.
7. Быстрая оценка воздействия COVID-19 на уязвимые группы населения и малые предприятия в Ираке // Международная организация труда (МОТ). – 2020. – URL: https://www.ilo.org/Бейрут/публикации/WCMS_751209/язык--ru/index.htm.
8. Федеральный общий бюджет Республики Ирак на 2021 финансовый год // Иракская газета. – 2021. – № 4625.
9. Кадим Э.Х. Вклад затрат на качество в достижение устойчивого развития: прикладное исследование в Ираке // Турецкий журнал физиотерапии и реабилитации. – 2021. – № 32 (3). – С. 17079–17084. – URL: <https://turkjphysiotherrehabil.org/pub/32-3.html>.
10. Фашах М.Д., Салман А.М. Роль участия, раскрытия информации и прозрачности в государственном бюджете // Журнал обзоров гуманитарных и социальных наук. – 2020. – № 8 (4). – С. 789–800.
11. Султан Дж.А., Хусейн А.А., Хамдия Ш.М. Влияние COVID-19 на мировую экономику: пример Ирака // Журнал развития талантов и передового опыта. – 2020. – № 12 (2s). – С. 2910–2926.
12. Годовой экономический отчет Центрального банка Ирака за 2019 год. – 2019. – С. 51.
13. Документ о реформе (Белая книга). – 2020. – С. 50.
14. Белая книга: Ирак – дорожная карта реформ. – Вашингтон: Всемирный банк, 2020.

УДК 336.71

З.Ф. ГАБДУЛЛИНА,

магистр

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ОСОБЕННОСТИ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Банковская система Российской Федерации, представляющая собой сложную систему взаимосвязанных действующих в стране банковских учреждений, включает банки (частные, государственные), кредитные учреждения и другие хозяйствующие субъекты, оказывающие банковские услуги юридическим и физическим лицам. В рамках нашей статьи мы выяснили, что в течение последних 10 лет наблюдается сокращение количества банков, что связано с экономическими причинами в стране, с жесткими требованиями политики ЦБ РФ. Основными игроками на рынке банковских услуг РФ являются банки с государственным участием ПАО «Сбербанк», ПАО «Банк ВТБ», АО «Газпромбанк», АО «Россельхозбанк», АО «НКО «НКЦ»».

На основе проведенного SWOT-анализа банковской системы РФ выявлены следующие основные сильные ее стороны: положительная динамика капитала кредитных учреждений; рост объема кредитования; снижение зависимости банковской системы России от международных платежных систем VISA и MASTER CARD; усиление банковского надзора; снижение ключевой ставки Банка России.

К слабым сторонам мы отнесли: снижение качества банковских кредитных портфелей; уменьшение спроса на кредиты со стороны крупных заемщиков, особенно в период пандемии; рост кредитных рисков, являющихся ключевыми в деятельности банков. Также мы определили возможности и угрозы развития деятельности.

Ключевые слова: банковский сектор РФ, основные игроки на рынке банковских услуг, рейтинг, SWOT-анализ, слабые и сильные стороны.

Банковская система Российской Федерации – ключевая отрасль рынка, охватывающая огромный спектр финансовых, денежно-кредитных, расчетных, депозитных услуг.

Банковскую систему РФ на настоящий день формируют Банк России и 338 кредитных организаций (по состоянию на октябрь 2021 г.), из которых 231 кредитная организация – это банки с универсальной лицензией, 107 – с базовой. Число небанковских кредитных организаций на данный период составляет 35 учреждений [2].

Необходимо отметить, что в последнее время на фоне ужесточения регуляторных механизмов, проведения кредитными организациями высокорискованной политики, а также в связи с иными нарушениями наблюдается сокращение количества функционирующих КО. Если рассматривать динамику, то в 2020 г. (с начала года) были отозваны лицензии у 36 кредитных организаций, в 2019 г. – у 28, в 2018 г. – у 57, в 2017 г. – у 51 [11]. С каждым годом сокращается количество банков, функционирующих на территории Российской Федерации [3].

Рассмотрим динамику действующих кредитных организаций за последние 10 лет (рис. 1).

Необходимо отметить, что основными причинами отзыва банковских лицензий могут являться кредитная политика, которая имеет высокие риски для банка, невыполнение требований законодательства, а также осуществление в рамках банковской деятельности теневых, сомнительных операций [4, 8].

По мнению специалистов рейтингового агентства АКРА, количество отечественных кредитных организаций будет уменьшаться в среднем на 5–8 % в год до 2024 г. Сокращение банков связывают с экономическими причинами, такими, как банкротство, дефолт, добровольная сдача лицензии, слияние и поглощение [2].

В рамках нашей статьи мы проанализировали 30 основных игроков на российском банковском рынке в течение последних 5 лет. В качестве критерия отбора крупнейших российских банков был выбран объем активов, который

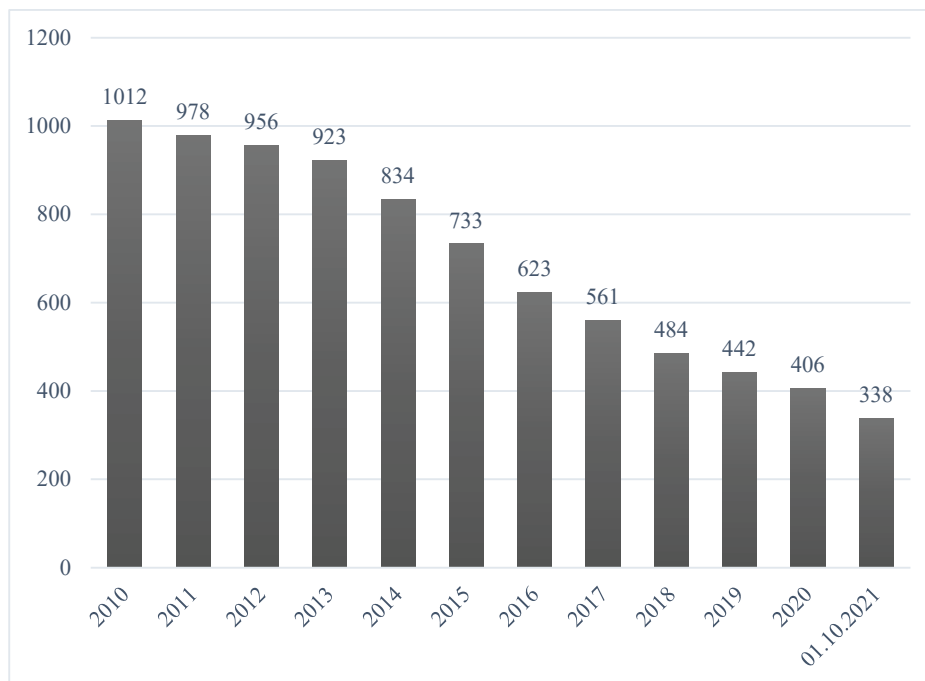

Рис. 1. Динамика действующих кредитных организаций РФ за 10 отчетных периодов [3]

определяет величину собственного капитала, вкладов, межбанковских кредитов. Рейтинг 10 из 30 кредитных организаций за 2020 г. представлен на рис. 2.

Важно отметить, что за последние 5 лет у большинства банков меняются позиции в рейтинге, одни игроки выходят из топ-30, другие, наоборот, попадают в список крупнейших банков по объему активов.

Следует отметить, что такие основные игроки банковского рынка РФ, как ПАО «Сбербанк», ПАО «Банк ВТБ», АО «Газпромбанк», не теряют своих позиций даже в течение последних 5 лет и продолжают входить в тройку крупнейших банков.

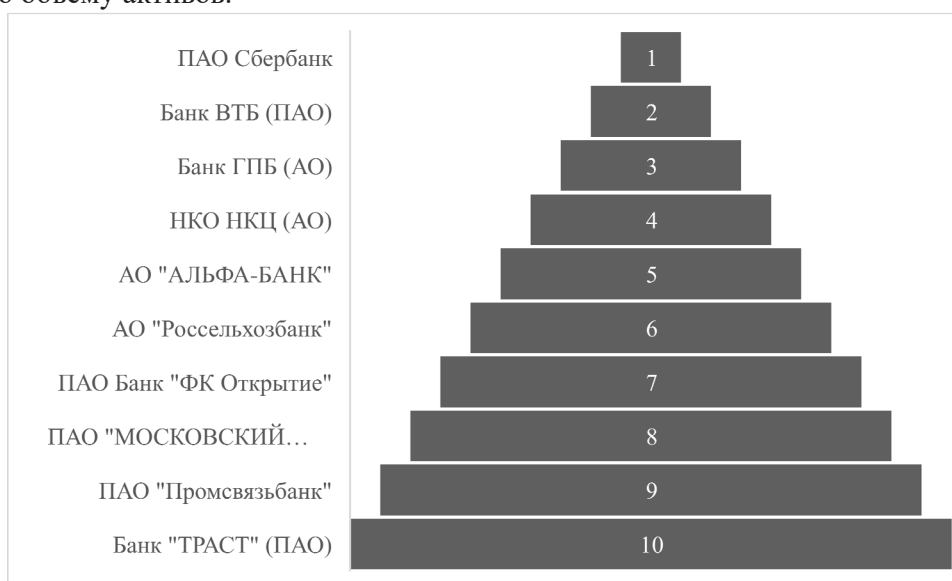

Рис. 2. Рейтинг 10 банков по объему активов за 2020 г.

Матрица SWOT-анализа банковской системы Российской Федерации

Сильные стороны	Возможности
1. Положительная динамика капитала банков. 2. Снижение чувствительности к процентному, фондовому и валютному рискам. 3. Рост показателей ликвидности банковского сектора. 4. Снижение зависимости банковской системы России от международных платежных систем VISA и MASTER CARD. 5. Усиление банковского надзора посредством увеличения объема консультативной помощи кредитным организациям. 6. Снижение ключевой ставки Банка России	1. Большие перспективы увеличения применения дистанционного банковского обслуживания. 2. Низкий уровень использования банковских услуг в небольших регионах. 3. Разработка и применение многоуровневого банковского надзора и регулирования. 4. Уменьшение уровня инфляции. 5. Вступление в ВТО, создание агентства по страхованию экспортных рисков (ЭКСПАР)
Слабые стороны	Угрозы
1. Снижающийся уровень качества кредитного портфеля. 2. Рост кредитного риска в банковских операциях. 3. Высокая концентрация активов и пассивов на банках с государственным участием. 4. Низкая доля комиссионных доходов	1. Ухудшение экономической ситуации в стране в связи с пандемией коронавирусной инфекции. 2. Рост проявлений криминальности в банковском секторе (мошенничество, отмывание денег, вывод капитала за рубеж, хакерские атаки и т. п.). 3. Снижение показателя доверия населения к банковскому сектору. 4. Снижение уровня жизни населения. 5. Наличие противоречий в нормативных актах, регулирующих банковскую деятельность. 6. Ужесточение требований Банка России к управлению рисками и достаточности капитала

Рассмотрев особенности российской банковской системы и ее конкурентоспособность через основные показатели деятельности, мы сформировали SWOT-анализ в целях определения сильных и слабых сторон, возможностей и угроз (табл. 1).

Таким образом, для современной банковской системы характерны значительные внутренние диспропорции, негативное влияние которых в значительной степени усугубляется за счет появления внутренних и внешних угроз [9]. Это может помешать российским банкам воспользоваться открывающимися перед ними возможностями по наращиванию объемов бизнеса.

Литература

1. Сухарев П.Н., Григоренко А.С. Метод SWOT-анализа: его преимущества и недостатки // Экономические науки. Маркетинг и менеджмент. – 2010. – № 6. – С. 25–30.

2. Банковский сектор в 2020 г. // Официальный сайт «Банки.ру». – URL: <https://www.banki.ru/news/research/?id=10943188> (дата обращения: 10.12.2021).

3. О развитии банковского сектора Российской Федерации в 2020 г. // Официальный сайт Банка России. – URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/32120/razv_bs_21_02.pdf (дата обращения: 10.12.2021).

4. Официальный сайт «РБК». – URL: <https://www.rbc.ru/finances/16/03/2020/5e6b4f919a79478b720611df> (дата обращения: 11.12.2021).

5. Ahokpossi C., Isnawangsih A., Naoaj M.S., Ting Y. The Impact of Monetary Policy Communication in an Emerging Economy: The Case of Indonesia // IMF Working Paper. – 2020. – No. 20 (109). – P. 1–29.

6. Arifhodjayeva M. Marketing research in innovative development of commercial banks // Paradigmata poznani. – 2016. – No. 1. – P. 44–48.

7. Gorbunova E.I., Alnakuola M., Veretennikova I.I. Evaluation the activities of the commercial banks of the Russian Federation based on the camel's model // Научный результат. Экономические исследования. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 41–49.

8. Kostenko O.V. Analysis of the formation of cluster networks (according to the cluster map of Russia) // Espacios. – 2019. – Vol. 40. – No. 40. – P. 20.

9. Kil W.H., Sang-Bum P. An Analysis on the Effects of Economic Conditions on Investment Behavior: Focusing on Level of Finance Knowledge, Income-Expenditure Balance and Liquidity Constraints // International Journal of Economics and Finance. – 2019. – Vol. 1. – No. 2. – P. 52–58.

10. Tolikas K., Topaloglou N. Is default risk priced equally fast in the credit default swap and the stock markets? AN empirical investigation // Journal of International Financial Markets Institutions & Money. – 2016. – Vol. 51. – No. 4. – P. 39–57.

Информация об авторах

Габдуллина Зульфия Фанисовна, магистр, Институт управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: gabdullina-zuleyka1994@mail.ru

Z.F. GABDULLINA,

Master Student,

Kazan (Volga region) Federal University

FEATURES OF THE BANKING SECTOR OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The banking system of the Russian Federation, which is a complex system of interconnected banking institutions operating in the country, includes banks (private, state), credit institutions and other economic entities that provide banking services to legal entities and individuals. As part of our article, we found out that over the past 10 years, there has been a decrease in the number of banks, which is associated with economic reasons in the country, with the strict requirements of the policy of the Central Bank of the Russian Federation. The main players in the banking services market of the Russian Federation are banks with state participation Sberbank PJSC, VTB Bank PJSC, Gazprombank JSC, Rosselkhozbank JSC, NCO NCC (JSC). On the basis of the conducted “SWOT-analysis” of the banking system of the Russian Federation, the following main strengths of it were revealed: positive dynamics of the capital of credit institutions; growth in lending; reducing the dependence of the Russian banking system on the international payment systems VISA and MASTER CARD; strengthening banking supervision; reduction of the key rate of the Bank of Russia. Weaknesses included: deterioration in the quality of bank loan portfolios; a decrease in demand for loans from large borrowers, especially during a pandemic; growth of credit risks, which are key in the activities of banks. They also identified the opportunities and threats for the development of activities.

Keywords: the banking sector of the Russian Federation, the main players in the banking services market, rating, SWOT analysis, strengths and weaknesses.

References

1. Sukharev P.N., Grigorenko A.S. SWOT analysis method: its advantages and disadvantages // Economic sciences. Marketing and management. – 2010. – No. 6. – P. 25–30.
2. The banking sector in 2020. – URL: <https://www.banki.ru/news/research/?id=10943188> (date accessed: 10.12.2021).
3. On the development of the banking sector of the Russian Federation in 2020. – URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/32120/razv_bs_21_02.pdf (date accessed: 10.12.2021).
4. RBC website. – URL: <https://www.rbc.ru/finances/16/03/2020/5e6b4f919a79478b720611df> (date accessed: 12.11.2021).
5. Ahokpossi C., Isnawangsih A., Naoaj M.S., Ting Y. The Impact of Monetary Policy Communication in an Emerging Economy: The Case of Indonesia // IMF Working Paper. – 2020. – No. 20 (109). – P. 1–29.
6. Arifhodjayeva M. Marketing research in innovative development of commercial banks // Paradigmata poznani. – 2016. – No. 1. – P. 44–48.
7. Gorbunova E.I., Alnakuola M., Veretennikova I.I. Evaluation the activities of the commercial banks of the Russian Federation based on the camel’s model // Научный результат. Экономические исследования. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 41–49.

8. *Kostenko O.V.* Analysis of the formation of cluster networks (according to the cluster map of Russia) // *Espacios*. – 2019. – Vol. 40. – No. 40. – P. 20.

9. *Kil W.H., Sang-Bum P.* An Analysis on the Effects of Economic Conditions on Investment Behavior: Focusing on Level of Finance Knowledge, Income-Expenditure Balance and Liquidity Constraints // *International Journal of Economics and Finance*. – 2019. – Vol. 1. – No. 2. – P. 52–58.

10. *Tolikas K., Topaloglou N.* Is default risk priced equally fast in the credit default swap and the stock markets? AN empirical investigation // *Journal of International Financial Markets Institutions & Money*. – 2016. – Vol. 51. – No. 4. – P. 39–57.

УДК 338.1

Д.Ю. ЗАХМАТОВ,
кандидат экономических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

ОТНОШЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО БИЗНЕСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К УПРАВЛЕНИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ, СОЦИАЛЬНЫМИ РИСКАМИ, А ТАКЖЕ РИСКАМИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ (ESG-РИСКАМ)

Аннотация. Внедрение в деятельность российских предприятий принципов бережного отношения к экологии, структурной социальной политики и грамотного корпоративного управления менее масштабно, чем в зарубежных компаниях, однако все больше российских компаний двигаются в этом направлении. В настоящей статье рассмотрены вопросы развития данных принципов в Российской Федерации, относящихся к управлению экологическими, социальными рисками, а также рисками корпоративного управления, отношение корпоративного бизнеса к управлению этими рисками. В статье проведен анализ сложившейся в Российской Федерации ситуации в области управления экологическими, социальными рисками и рисками корпоративного управления, сделан акцент на готовности внедрения системы управления ESG-рисками в Российской Федерации, отражено мнение рейтинговых агентств, научного сообщества, профессиональных участников финансового рынка, работодателей, фондов, экспертов, крупнейших российских компаний. Практическую значимость имеют систематизация и описание необходимости управления ESG-рисками бизнес-компаниями: отражено отношение бизнес-партнеров, выделено влияние на экономику Российской Федерации в целом и на последствия для государства и общества, описано отношение инвесторов к компаниям, внедряющим принципы ESG. Исходя из наблюдений, изложенных в настоящей статье, можно сделать вывод, что принципы ответственного инвестирования и устойчивого развития вызывают интерес и получают внедрение на отечественном рынке. Поддержка данного направления наблюдается не только со стороны банковских структур и корпоративного бизнеса, но и со стороны Центрального банка и Правительства РФ.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG, принципы ESG, экологические риски, социальные риски, финансирование экологических проектов, «зеленая» экономика, благотворительность.

Введение

Термин “ESG” можно расшифровать как «экология, социальная политика и корпоративное управление» – environment (экология), social (социальная политика) и governance (управление). В русскоязычной литературе аббревиатура “ESG” обычно переводится как факторы ОСОКУ – окружающая среда, общество и корпоративное управление [1, 2].

В 2020 г. рейтинговым агентством «Эксперт РА» был проведен опрос среди компаний из реального сектора экономики и банков, в котором спрашивалось: есть ли у компаний стратегии следования устойчивому развитию, проработанная экологическая политика и утвержденные принципы корпоративной социальной ответственности; используются ли рисковыми подразделениями банков ESG-оценка заемщиков. Результаты показали,

что ESG-трансформация в России, т. е. курс на соблюдение экологических и социальных приоритетов, прозрачности управления, уже началась. Наиболее продвинутыми в данных вопросах остаются компании-экспортеры, относящиеся к реальному сектору экономики и привлекающие фондирование на зарубежных финансовых рынках. Наблюдается, что большинство предприятий, к которым в настоящее время не предъявляются требования по западным стандартам, не обращают внимания на ESG-принципы и не относят их к значимым для бизнеса факторам. Пока только 4 % компаний ввели в свою повестку утверждение этой стратегии [3]. Более 80 % опрошенных компаний не имеют стратегии устойчивого развития. Получение ESG-рейтинга остается имиджевой частью, а компании сосредотачиваются на выпусках «зеленых» и социальных облигаций.

Вместе с тем опережающая ESG-трансформация в банковской системе может стать стимулом к качественному изменению отношения к принципам устойчивого развития и их масштабному внедрению компаниями, работающими в реальных секторах экономики.

Крупнейшие отечественные компании – промышленные гиганты, поэтому являются заведомо неэкологичными. При составлении рейтинга лучших корпоративных экологических практик в России Forbes руководствуется тем, какие компании прикладывают больше усилий на компенсацию вреда природе. Лидерами в 2020 г. стали российское подразделение корпорации Mars (отправляет на переработку до 90 % всех отходов), «Сбербанк», X5 Retail Group, Splat, «Росатом» [4].

При анализе ситуации в регионах России эксперты ВШЭ наблюдают нехватку средств для трансформации к принципам, предусматривающим устойчивое развитие. Вызовом, с точки зрения профессора Высшей школы бизнеса ВШЭ Михаила Акима, является и ситуация в сельском хозяйстве. По мнению эксперта, в слаборазвитых регионах с целью обеспечения продовольствием населения осуществляется вовлечение в хозяйственный оборот лесных площадей под сельскохозяйственные цели, что неизбежно приводит к неблагоприятным экологическим последствиям. Наблюдается как нехватка финансовых средств на экологические технологии, так и дефицит рабочих мест. При внедрении современных принципов управления и технологий в предприятия сельского хозяйства прогнозируется снижение занятости населения и рост безработицы. Таким образом, в регионах возникает противоречие между экологическими и социальными проблемами [5].

Несмотря на такие проблемы, как нехватка средств, новизна ESG для российских компаний, в России есть собственные проекты по развитию экоориентированного бизнеса, например, «Наилучшие доступные технологии» (переход на них к 2024 г. запланирован для всех промышленных объектов, оказывающих значительное влияние на окружающую среду).

Что касается социальной политики компаний, то социальные блага в основном ориентиро-

рованы на сотрудников. Основными направлениями реализации социальной ответственности на предприятиях, по мнению экспертов, являются: оздоровление работников, охрана труда и безопасность, политика доходов, доставка до дома, поддержка ветеранов, обеспечение жильем, обучение и развитие персонала [6].

Благотворительность определяется вниманием международных инвесторов. Исходя из информации CAF, в части благотворительности в России показатели корпораций близки к 75 % в общем объеме. Траты российских компаний, представляющих крупный бизнес, на социальные цели достигают 10–12 % от величины их прибыли [7]. Данные банка UBS и бизнес-школы «Сколково» свидетельствуют о том, что вклад корпоративного бизнеса в благотворительные проекты (без учета финансирования государством) составил в 2018 г. 340–460 млрд руб., т. е. 50 % от общего объема финансирования подобных проектов. Около 25 % от этого объема пришлось на нефтегазовые компании, относящиеся к крупнейшему бизнесу (в абсолютных показателях это 100–120 млрд руб.). Ежегодный вклад представителей других секторов российских компаний, входящих в тридцатку крупнейших, составил от 60 до 100 млрд руб. Необходимо заметить, что даже при таких крупных вложениях в благотворительность данные показатели вдвое меньше показателей в европейских странах.

Корпоративная благотворительность в России возможна только исходя из прибыли, поэтому воспринимается как благотворительность учредителей и акционеров. При этом социальные практики не используются как инструмент повышения устойчивости и получения прибыли. Проблемой является и отсутствие понимания некоммерческого сектора со стороны бизнеса, и отношение некоммерческих организаций к бизнесу исключительно как к источнику денежных средств без понимания целей и задач, для которых создается и развивается бизнес [8].

Результаты исследования сервиса «Работа.ру», проведенного в 2020 г. среди 1,5 тыс. респондентов, показывают, что делать пожертвования готова каждая пятая организация. До 10 % от выручки в год готовы направить

на проекты корпоративной социальной ответственности 25 % российских компаний. Затраты на уровне 20 % от выручки готовы понести на благотворительность только 2 % представителей бизнеса, и столько же компаний считают приемлемым размер данных затрат до 35 % от выручки. Половину общей выручки предприятия направить на благотворительные цели могут себе позволить не более 1 % работодателей [9].

Планы по участию в благотворительных проектах в 2020 г. впервые появились у 3 % опрошенного менеджмента компаний в России. Ежегодные траты на благотворительность характерны для 18 % компаний, принявших участие в исследовании, а 79 % компаний не планируют финансировать данное направление в 2020 г. [9].

Ежегодно составляется рейтинг компаний, уделяющих наибольшее внимание благотворительности и социальным проектам, – «Лидеры корпоративной благотворительности» [10]. Большинство исследователей, однако, склонны считать, что для основной части компаний России не являются приоритетными вопросы социальной ответственности бизнеса и шаги по ее повышению. Характерные для предприятий разовые, несистемные мероприятия в области социальной ответственности не дают должного эффекта, и такой подход следует считать ошибочным и неэффективным [11].

Методология

Как относятся бизнес-партнеры к социальной активности, благотворительности, экологичности компании? Прежде всего, нужно сказать, что данные положения не входят в число традиционных и наиболее распространенных критериев для выбора контрагента среди компаний, работающих на российском рынке. Выбирая поставщика, подрядчика, предприниматели больше внимания уделяют условиям сделки, благонадежности, финансовой стабильности предполагаемого контрагента. Экологичность в качестве критерия выбора поставщика является скорее исключением для большего числа российских компаний. Например, группа «ФосАгро» – крупный российский производитель фосфорсодержащих удобрений – придержива-

ется политики экологически ответственных закупок, предусмотренных Кодексом поведения контрагента компании, оценивает соответствие деятельности поставщиков принципам как экологической, так и социальной ответственности [12]. В 2020 г. компания опубликовала Кодекс поведения контрагента, содержащий ключевые требования в областях экологии, корпоративного управления, социальной ответственности, прав человека и современного рабства; разработала анкеты для оценки ESG-аспектов деятельности поставщика (подрядчика). Также вопросам экологичности при выборе поставщика уделяет внимание ООО «РусХОЛТС» [13].

Социальной активности от бизнеса ожидает и общество. Свидетельство тому – общественный резонанс после экологических катастроф в Норильске и на Камчатке. Благотворительный фонд развития филантропии «КАФ» в результате проведенного в 2018 г. исследования выявил, что 75 % опрошенных считают необходимой поддержку местных сообществ, в которых они работают, со стороны бизнеса. При этом 58 % респондентов отмечают, что для них предпочтительнее пользоваться услугами или покупать продукты у компании, которая поддерживает местные сообщества и осуществляет траты на благотворительность. Таким образом, наблюдаются позитивные признаки того, что деятельность по корпоративной социальной ответственности начинает оказывать влияние на условия ведения бизнеса в нашей стране [14]. Более 60 % респондентов считают актуальными экологические вопросы и проблемы и выражают намерение скорректировать свои предпочтения в пользу экологически чистых продуктов с целью снижения негативного влияния на природу и окружающую среду [15]. Вопросы экологии интересуют потребителей в двух аспектах: они формируют ожидания в отношении качества продуктов в магазинах и в отношении деятельности самих компаний-производителей. Половина респондентов (49 %) хотела бы покупать экологичную продукцию, но для них это слишком дорого.

Нельзя не отметить, что по показателю приобретения экологически чистой продукции Россия занимает одно из самых низких мест в мире. При этом большинство опрошенных

в России в 2018 г. отметили, что для них «чрезвычайно важны» или «очень важны» направления деятельности компаний по защите окружающей среды. Только 14 % из опрошенных оказались безразличными к вопросам корпоративной и социальной ответственности предприятий, отмечая, что они «не очень важны» или «совсем не важны».

Что касается влияния на экономику России внедрения отечественными компаниями принципов устойчивого развития (экологических практик, социальных проектов), то эксперты делают следующие основные выводы:

1. Принципы ESG, соблюдаемые компаниями, позволяют укреплять деловую репутацию и обеспечивают рост конкурентоспособности компании на мировом рынке, формируют доверительное отношение к ней со стороны международного делового сообщества.

2. Наблюдаются позитивные экономические эффекты:

- получение доступа к финансированию по сниженным и льготным условиям;

- обеспечение доступа к зарубежным инвестициям;

- увеличение клиентской и партнерской базы за счет партнеров, заинтересованных во взаимодействии с компаниями со схожими ESG-ценностями;

- повышение эффективности деятельности.

3. ESG-трансформация бизнеса – данное направление активно переходит из формата “nice to have” («приятно, что есть») к “must have” («должно быть»).

4. Актуальность и необходимость развития существующих подходов по внедрению ESG-принципов с учетом лучшего международного опыта, что обусловлено активностью и масштабностью распространения данных принципов в России, в том числе и в регуляторных механизмах [16].

Каково отношение государства к организациям, занимающимся экологичным бизнесом? Стоит отметить, что основная форма выражения позиции государства по данному вопросу – это законы. В первую очередь, ст. 58 Конституции Российской Федерации [17] обязывает всех граждан бережно относиться к природ-

ным богатствам, а также сохранять природу и окружающую среду.

Контроль за соблюдением этой обязанности в отношении бизнеса государство осуществляет посредством нормирования выбросов производства, негативно сказывающихся на состоянии природы. Важно отметить, что для организаций, активно развивающих экологические инициативы, предусмотрена государственная поддержка – ст. 17 Федерального закона №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» предусматривает государственную поддержку деятельности по внедрению наилучших доступных технологий и иных мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду. При этом данная поддержка предусматривается путем предоставления льгот по налогам, льгот в отношении платы за негативное воздействие на окружающую среду, а также выделения средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации [18].

Кроме того, Федеральный закон № 219-ФЗ были внесены корректировки в Налоговый кодекс РФ, которые предусматривают льготы по налогообложению в виде возмещения затрат на уплату процентов по инвестиционным кредитам, а также введение для оборудования НДТ дополнительного коэффициента амортизации.

Несмотря на наличие обширной нормативной базы по регулированию, нормированию, расчету норм и контролю над оказываемым производством влиянием на окружающую среду, остаются аспекты, не покрытые законодательством: требования к автоматическим системам контроля выбросов, порядок применения льгот по налогам и сборам для экологически чистых производств и т. д. [19].

По мнению авторов «Пособия по инструментам природоохранной политики для стран Восточного партнерства ЕС», правительство может обеспечить соответствующую поддержку путем введения налоговых льгот, предусмотреть ускоренную амортизацию, а также обеспечить льготными займами от государственных финансовых институтов предприятия, инвестирующие в «зеленые» технологии. Однако субсидирование предприятий финансами для

соблюдения ими экологических требований не является правильным.

С точки зрения государства разумно поощрение негосударственных банков и страховых компаний в области стимулирования небольших предприятий в части улучшения их показателей в области экологии. Также банками могут вводиться дополнительные требования в части экологических норм как фактор, необходимый для предоставления кредитных средств, а страховыми компаниями могут быть потребованы у страхователей сведения о выявленных рисках в области экологии и планируемых действиях по их снижению. Кроме того, финансовыми организациям и страховыми компаниями могут быть предусмотрены льготные условия для компаний, соблюдающих современные требования в области экологии [20].

Все вышеперечисленные льготы относятся к категории финансовых стимулов. Экономическая мотивация, основанная на этих принципах, является действенной, но не единственной. Более того, на сегодняшний день недооцененными остаются нефинансовые мотивации и моральное поощрение в получении позитивных результатов в области повышения качества в части экологии. Отметим некоторые из них:

1. Соблюдение требований законодательства, обусловленное точным расчетом и прагматизмом. При неизбежности экологических инвестиций следует данные риски учитывать, оценивать и прогнозировать, поскольку их несоблюдение неизбежно обернется внезапными убытками или еще более серьезными последствиями.

2. Поставленные цели по улучшению деловой репутации или избегание ее потери.

3. Необходимость обеспечить партнерские отношения с государством, местным сообществом, политическими партиями и общественными движениями.

4. Публичная репутация и признание, которые обеспечивают доступ к инвестициям.

5. Повышение привлекательности предприятия путем публикации нефинансовой отчетности, увеличение оценки нематериальных активов компании, в том числе гудвилла и т. д. [21].

Отношение инвесторов к организациям, занимающимся экологией. В опубликованном

компанией McKinsey исследовании «The ESG premium: новые взгляды на ценность и производительность» отмечается, что стоимость предприятий, соблюдающих ESG-принципы, в настоящий момент выше, чем у их менее социально ответственных конкурентов, примерно на 10 % и в перспективе ожидается повышение значимости данного фактора и его вклада в стоимость бизнеса.

Компания PwC на корпоративном сайте, в разделе, посвященном отчетности ESG, указывает, что учет элементов ESG в корпоративной стратегии и отчетности предприятия является маркером того, что предприятие заботится о своей прогнозной устойчивости, а также показателем доходности. Данные факторы являются крайне привлекательными для инвесторов, нацеленных на долгосрочный рост своих инвестиционных портфелей.

По данным компании Bloomberg, стоимость глобальных (мировых) активов, объединенных по различным ESG-критериям, превысит к 2025 г. 53 трлн долл. Инвесторы переписывают свои стратегии таким образом, чтобы исключать из портфеля те компании, которые не соответствуют показателям ответственного финансирования.

Требования заинтересованных инвесторов стали важнейшим мотивирующим фактором для инициатив предприятий в области экологической устойчивости, говорится в исследовании Deloitte «Проверка климата 2021: взгляд бизнеса на экологическую устойчивость».

Результаты

Вопросы, касающиеся ESG-принципов, являются актуальными для российского бизнеса. В то же время они являются предметом внимания государства. Правительством и Банком России разрабатываются мероприятия по снижению рисков возможного негативного влияния на российскую экономику и финансовые рынки, которые могут быть обусловлены сокращением спроса со стороны участников мирового рынка капитала на активы с высокими климатическими рисками. Компаниям с низкими ESG-оценками будет трудно выходить на международные рынки и работать с международными регуляторами.

Внимание со стороны правительства также отмечается в создании межведомственной рабочей группы по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития, при Администрации Президента РФ, а также рабочей группы по ответственному финансированию при Банке России. В рабочих группах кроме правительственных органов принимает участие АО «Сбербанк».

Сложности с финансированием проектов, созданных для улучшения экологии, можно предупредить путем поиска возможности софинансирования совместно с существующими или разработанными вновь отечественными инвестиционными программами и фондами национальных проектов, целевых национальных программ. В частности, в качестве ключевого партнера в данной сфере можно рассматривать Российскую корпорацию развития. Международными партнерами в России являются МФИ (МФК, ЕБРР, ЕИБ) и другие международные банки и экспортно-кредитные организации, финансирующие российские проекты.

Еврокомиссия провела оценку и финансовый анализ эффективности схем поддержки, реализованных странами-участниками для повышения доли ВИЭ в общем объеме различных по виду топлива источников энергии. Вывод по результатам исследования заключался в наиболее высоком уровне уверенности инвесторов в льготных тарифах (feed-in tariffs).

Долгосрочные договоры также считаются инструментом, который обеспечивает значительную стабильность инвестиций. Они гарантируют денежные поступления на протяжении определенного периода времени.

Важной опорой в части ESG-практик в России является «Внешэкономбанк», уделяющий серьезное внимание показателям экологической эффективности проектов. В области его внимания находятся проекты по недопущению загрязнения окружающей среды, природоохранные мероприятия, льготные экологические платежи по проектам, финансируемым им. В соответствии с «Меморандумом о финансовой политике» «Внешэкономбанка» к основным направлениям его деятельности относится финансирование проектов, направленных на повышение эффективности использования

природных ресурсов, энергоэффективности, охрану окружающей среды и улучшение экологической обстановки.

Повышение энергоэффективности – одна из приоритетных задач современной экономической политики России. Имеющийся потенциал повышения энергоэффективности позволит обеспечить экономию до 45 % потребления первичной энергии, в том числе:

- 240 млрд м³ природного газа;
- 340 млрд кВт/ч электроэнергии;
- 89 млн т угля;
- 43 млн т сырой нефти и ее эквивалента

в виде переработанных нефтепродуктов.

В качестве успешного примера можно привести проект Богучанской ГЭС, одного из наиболее крупных строительных объектов на территории России, финансирование которого «Внешэкономбанк» осуществляет с 2010 г. Строительство гидроэлектростанции позволило сформировать новый территориально-промышленный комплекс в Нижнем Приангарье.

Благодаря реализации проекта крупные промышленные предприятия региона полностью обеспечены энергоресурсами, что дало толчок развитию смежных отраслей экономики.

Крупнейший российский банк – АО «Сбербанк» – принимает активное участие как в финансировании «зеленых» проектов, так и во внедрении ESG-принципов в собственном бизнесе. Например, благодаря сокращению использования бумаги в бизнес-процессах и в архивных целях, за период 2018–2019 гг. было сохранено более 50 тыс. деревьев. Предприятием внедрены также принципы раздельного сбора отходов банка (отработанная оргтехника, картриджи, аккумуляторы и офисный мусор).

Кроме того, банком принята программа повышения энергоэффективности офисов по направлениям телеметрии и дистанционного управления энергоресурсами, а также по закупке оборудования с высоким классом энергоэффективности.

Из проектов, профинансированных АО «Сбербанк», в отношении заемщиков сектора альтернативной энергетики стоит отметить:

– финансирование ПАО «Энел Россия» в целях строительства Кольской ветроэлектростанции мощностью 201 МВт. Проект будет самым

крупным ветропарком в России за полярным кругом, с ожидаемым вводом в эксплуатацию в конце 2021 г.;

– софинансирование строительства в Ростовской области ветряной электростанции;

– финансирование строительства Самарской солнечной электростанции;

– финансирование строительства Старомарьево-Солонихинской солнечной электростанции, которую компания «Солар Системс» возводит в Ставропольском крае;

– финансирование проекта «Чистый воздух», который входит в национальный проект «Экология» и предусматривает мероприятия по снижению экологически вредных выбросов в атмосферу в двенадцати наиболее загрязненных российских промышленных центрах.

В 2019 г. «Сбербанк» принял участие в первой синдицированной сделке по финансированию, в условиях которой учитывался прогресс заемщика по экологическим показателям. Заемщиком выступила компания «Русал». Особенностью данной сделки является гибкая величина кредитной ставки, которая зависит от выполнения компанией индикаторов воздействия на окружающую среду и объемов продаж алюминия с низким «углеродным следом».

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что принципы ответственного инвестирования и устойчивого развития начинают активно работать на российском рынке. В развитии ESG-концепции активно участвуют не только российский корпоративный бизнес и банки, но и Правительство и Центральный банк РФ.

Направление развития ESG-принципов перестает быть исключительно имиджевой характеристикой, и внимание к данному направлению со стороны регуляторов и инвесторов заставляют российские предприятия внимательно и системно подходить к практическому внедрению данных принципов, и эта тенденция набирает обороты.

Литература

1. Методология присвоения ESG-рейтингов (утв. Приказом Генерального директора Общества с ограниченной ответственностью «Националь-

ное рейтинговое агентство» от 28 апреля 2020 г. № ПР/28-04/20-1 // Официальный сайт Национального рейтингового агентства (НРА). – URL: <https://www.ra-national.ru/sites/default/files/Методология%20присвоения%20ESG%20рейтингов.pdf> (дата обращения: 09.10.2021).

2. *Бабенко М.В., Бик С.И., Постнова А.И.* Зеленая экономика: определения и понятия. – М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2018. – 36 с.

3. Будущее рынка устойчивого финансирования в РФ: банки формируют рынок // Официальный сайт рейтингового агентства «Эксперт РА». – URL: https://www.raexpert.ru/researches/sus_dev/esg2021/ (дата обращения: 12.06.2021).

4. 30 самых экологичных компаний России // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes-photogallery/422011-30-samyh-ekologichnyh-kompaniy-rossii-reyting-forbes?photo=4> (дата обращения: 12.06.2021).

5. ESG-трансформация: Россия находится в самом начале «зеленого» пути // Официальный сайт Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/463394013.html> (дата обращения: 12.06.2021).

6. *Нефедьева Е.И., Гуляева А.И.* Корпоративная социальная ответственность крупного производственного предприятия (социологический аспект) // Экономика труда. – 2020. – Т. 7. – № 9. – С. 795–818.

7. Благотворительность в России // Официальный сайт «РБК». – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5fd86fd29a79470bdd0b8314> (дата обращения: 12.06.2021).

8. Зачем российские компании вкладывают миллионы в корпоративную социальную ответственность // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/416541-zachem-rossiyskie-kompanii-vkladyvayut-milliony-v-korporativnuyu-socialnuyu> (дата обращения: 12.06.2021).

9. Российские компании все больше готовы тратить на благотворительность // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20201207/blagotvoritelnost-1587949750.html> (дата обращения: 12.06.2021).

10. Все о лидерах корпоративной благотворительности – 2020. – М.: Форум Доноров, 2020.

11. *Смогленко О.Н.* Социальная ответственность бизнеса и ее роль в развитии компании // Современные научные исследования и инновации. – 2018. – № 1. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2018/01/85718> (дата обращения: 13.06.2021).

12. Экология // Официальный сайт группы компаний «ФосАгро». – URL: <https://www.phosagro.ru/sustainability/ecology/> (дата обращения: 12.06.2021).

13. 10 критериев для выбора лучшего поставщика // Официальный сайт ООО «РусХОЛТС». – URL: <https://retailhoreca.ru/kak-vybrat-postavschika> (дата обращения: 12.06.2021).

14. Зачем российские компании вкладывают миллионы в корпоративную социальную ответственность // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/416541-zachem-rossiyskie-kompanii-vkladyvayut-milliony-v-korporativnuyu-socialnuyu> (дата обращения: 12.06.2021).

15. Экологичность как критерий выбора // Nielsen Holdings plc. – URL: <https://www.nielsen.com/ru/ru/insights/article/2018/ekologichnost-kak-kriteriy-vybora/> (дата обращения: 12.06.2021).

16. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

17. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 09.03.2021) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

18. Чиновники и бизнес обсудили, как меньше загрязнять окружающую среду // Интернет-издание «Право.ру». – URL: <https://pravo.ru/story/215355/> (дата обращения: 12.06.2021).

19. Экологизация малых и средних предприятий // Организация экономического сотрудничества и развития. – URL: <https://www.oecd.org/environment/outreach/Greening-SMEs-policy-manual-rus.pdf> (дата обращения: 12.06.2021).

20. Банникова Н.В., Крупина Н.Н., Крюкова Н.А., Загайный В.В. Нематериальное стимулирование эффективной природоохранной деятельности предприятия // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – С. 4–17. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nematerialnoe-stimulirovanie-effektivnoy-prirodoohrannoy-deyatelnosti-predpriyatiy/viewer> (дата обращения: 12.06.2021).

21. Abdrakhmanova D., Karasik E., Safullin L., Scharonova A. Problems of regulating financial markets as part of the green economy // E3S Web of Conferences. – 2019. – Vol. 110.

22. Makarova I., Khabibullin R., Mavrin G., Zhdanov D., Mavrin V., Belyaev E., Suleymanov I. Transition to “green” economy in Russia: Current and long-term challenges // Journal of Applied Engineering Science. – 2015. – Vol. 13. – Is. 1. – P. 1–10.

23. Nesterov V.N., Kozlova N.N., Goryacheva D.I. Assessment of environmental and material misstatement risk at the preconditions level // Procedia Environmental Science, Engineering and Management. – 2020. – Vol. 7. – Is. 3. – P. 385–394.

24. Safullin M.R., Safullova M.G., Elshin L.A. Impact of environmental risks on key parameters of development of regional sectors of economy (Case study: Agricultural industry in the Republic of Tatarstan) // Caspian Journal of Environmental Sciences. – 2020. – Vol. 18. – Is. 5. – P. 567–573.

25. Vetoshkina E., Ivanovskaya A., Kazykhanova E., Semenikhina N. Analysis of Impact of Non-financial Information Disclosure on Capitalization of Russian Oil and Gas Sector Companies // International Journal of Financial Research. – 2020. – Vol. 11. – Is. 5. – P. 267–274.

Информация об авторах

Захматов Дмитрий Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: z_dmitry@bk.ru

D.YU. ZAKHMATOV,
PhD in Economics, Associate Professor,
Kazan (Volga region) Federal University

**THE ATTITUDE OF CORPORATE BUSINESS IN THE RUSSIAN FEDERATION
TO THE MANAGEMENT OF ENVIRONMENTAL, SOCIAL RISKS, AS WELL AS CORPORATE
GOVERNANCE RISKS (ESG RISKS)**

Abstract. ESG principles are less common in Russia than abroad, but they are gradually being introduced into business. This article discusses the issues of the development of these principles in the Russian Federation to the management of environmental, social risks, as well as corporate governance risks, the attitude of corporate business to the management of these risks. The article analyzes the current situation in the Russian Federation in the field of environmental, social and corporate governance risks management, focuses on the readiness to implement the ESG risk management system in the Russian Federation, reflects the opinion of rating agencies, the scientific community, professional financial market participants, employers, foundations, experts, and major Russian companies. The systematization and description of the need for ESG risk management by business companies is of practical importance: the attitude of business partners is reflected, the impact on the economy of the Russian Federation as a whole, and the consequences for the state and society are highlighted, the attitude of investors to companies implementing ESG principles is described. Based on the conducted research, it can be concluded that the principles of responsible investment and sustainable development are beginning to work in the Russian market. Not only corporate business and banks, but also the Government and the Central Bank are actively involved in the development of this issue.

Keywords: sustainable development, ESG, ESG principles, environmental risks, social risks, financing of environmental projects, green economy, charity.

References

1. The methodology for assigning ESG Ratings is possible, approved by the Order of the General Director of the Limited Liability Company “National Rating Agency” dated April 28, 2020 No. PR/28-04/20-1 // Official website of the National Rating Agency (NRA). – URL: <https://www.ra-national.ru/sites/default/files/Методология%20присвоения%20ESG%20ratings.PDF> format (date accessed: 09.10.2021).
2. Babenko M.V., Bik S.I., Postnova A.I. Green economy. Definitions and concepts. – Moscow: World Wildlife Fund (WWF), 2018. – 36 p.
3. Analytical review of 31.03.2021. The future of the sustainable financing market in the Russian Federation: banks form the market. Sustainable development // Rating Agency “Expert RA”. – URL: https://www.raexpert.ru/researches/sus_dev/esg2021/ (date accessed: 12.06.2021).
4. 30 of the most environmentally friendly companies in Russia // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes-photogallery/422011-30-samyh-ekologichnyh-kompaniy-rossii-reyting-forbes?photo=4> (date accessed: 12.06.2021).
5. Gez-transformation: Russia is at the very beginning of the “green” path // News of expertise at the HSE April 2021. – URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/463394013.html> (date accessed: 12.06.2021).
6. Nefedieva E.I., Gulyaeva A.I. Corporate social responsibility of a large industrial enterprise (sociological aspect) // Labor economics. – 2020. – Volume 7. – No. 9. – P. 795–818.
7. Charity in Russia // RBC. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5fd86fd29a79470bdd0b8314> (date accessed: 12.06.2021).
8. Why Russian companies invest millions in corporate social responsibility // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/416541-zachem-rossiyskie-kompanii-vkladyvayut-milliony-v-korporativnuyu-socialnuyu> (date accessed: 12.06.2021).
9. Russian companies are increasingly willing to spend on charity News // RIA. – URL: <https://ria.ru/20201207/blagotvoritelnost-1587949750.html> (date accessed: 12.06.2021).
10. All about the leaders of 2020: based on the materials of the project “Leaders of corporate charity – 2020”. – Moscow: Donors Forum, 2020.
11. Smoglenko O.N. Social responsibility of business and its role in the development of the company // Modern scientific research and innovation. – 2018. – No. 1. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2018/01/85718> (date accessed: 13.06.2021).

12. Ecology // Official website of the PhosAgro Group of Companies. – URL: <https://www.phosagro.ru/sustainability/ecology/> (date accessed: 12.06.2021).

13. 10 criteria for choosing the best supplier // Official website of Rusholms LLC. – URL: <https://retailhoreca.ru/kak-vybrat-postavschika> (date accessed: 12.06.2021).

14. Why Russian companies invest millions in corporate social responsibility // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/416541-zachem-rossiyskie-kompanii-vkladyvayut-milliony-v-korporativnyu-socialnyu> (date accessed: 12.06.2021).

15. Environmental friendliness as a criterion of choice // Research Nielsen Holdings plc. – Date accessed: <https://www.nielsen.com/ru/ru/insights/article/2018/ekologichnost-kak-kriteriy-vybora/> (date accessed: 12.06.2021).

16. Analytical review of 31.03.2021. The future of the sustainable financing market in the Russian Federation: banks form the market. Sustainable development // Rating Agency “Expert RA”. – URL: https://www.raexpert.ru/researches/sus_dev/esg2021/ (date accessed: 12.06.2021).

17. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote of 12.12.1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 04.08.2014. – No. 31. – Article 4398.

18. On environmental protection: [Feder. Law of January 10, 2002 No. 7-FZ (ed. 09.03.2021)] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 14.01.2002. – No. 2. – Article 133.

19. Officials and business discussed how to pollute the environment less // Online edition “Pravo.ru”. – URL: <https://pravo.ru/story/215355/> (date accessed: 12.06.2021).

20. Greening of small and medium-sized enterprises // Organization for Economic Cooperation and Development. – URL: <https://www.oecd.org/environment/outreach/Greening-SMEs-policy-manual-rus.pdf> (date accessed: 12.06.2021).

21. *Abdrakhmanova D., Karasik E., Safullin L., Scharonova A.* Problems of regulating financial markets as part of the green economy // E3S Web of Conferences. – 2019. – Vol. 110.

22. *Makarova I., Khabibullin R., Mavrin G., Zhdanov D., Mavrin V., Belyaev E., Suleymanov I.* Transition to “green” economy in Russia: Current and long-term challenges // Journal of Applied Engineering Science. – 2015. – Vol. 13. – Is. 1. – P. 1–10.

23. *Nesterov V.N., Kozlova N.N., Goryacheva D.I.* Assessment of environmental and material misstatement risk at the preconditions level // Procedia Environmental Science, Engineering and Management. – 2020. – Vol. 7. – Is. 3. – P. 385–394.

24. *Safullin M.R., Safullova M.G., Elshin L.A.* Impact of environmental risks on key parameters of development of regional sectors of economy (Case study: Agricultural industry in the Republic of Tatarstan) // Caspian Journal of Environmental Sciences. – 2020. – Vol. 18. – Is. 5. – P. 567–573.

25. *Vetoshkina E., Ivanovskaya A., Kazykhanova E., Semenikhina N.* Analysis of Impact of Non-financial Information Disclosure on Capitalization of Russian Oil and Gas Sector Companies // International Journal of Financial Research. – 2020. – Vol. 11. – Is. 5. – P. 267–274.

МАРКЕТИНГ И ОБЩЕСТВО

УДК. 339.138

О.В. МАРТЫНОВА,

кандидат экономических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Е.А. РЕВЕНКО,

магистрант

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Развитие цифровой экономики в России и мире характеризуется высокими темпами. Уже можно говорить, что диджитализация – неизбежный процесс, становящийся обыденным и значительно влияющий на все сферы общественной деятельности, в том числе и на маркетинговую, которая на сегодняшний день подвержена значительным изменениям. Объемы онлайн-торговли в России и мире характеризуются ежегодным ростом, особенно заметным в последние годы под влиянием пандемии COVID-19, в ходе чего российский потребитель переключился с походов в офлайн-магазин на покупки со своего смартфона, ноутбука, планшета и т. д. В результате исследования установлено, что смещение плоскости маркетинговой деятельности в цифровую среду обусловлено изменением поведения потребителя и активным развитием цифровых инструментов, в первую очередь в области коммуникаций с потребителями. В статье проведен анализ определений понятия «цифровой маркетинг» в отечественной и зарубежной литературе, а также рассмотрены основные инструменты цифрового маркетинга, такие, как контент-маркетинг, email-маркетинг, SMM, контекстная реклама, SEO и сайт компании, с выделением преимуществ, недостатков и особенностей их применения при осуществлении маркетинговой деятельности, в том числе в зависимости от задач коммуникации с потребителями.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровой маркетинг, маркетинговая деятельность, маркетинговые коммуникации, email-маркетинг, мобильный маркетинг, контент-маркетинг.

Пандемия COVID-19 внесла свои коррективы в разные сферы бизнеса и ускорила развитие цифровой экономики. Переход в онлайн-формат ряда видов бизнеса, таких, как торговля и образование, доказал свою высокую эффективность. Динамика развития внутреннего рынка онлайн-торговли в России представлена на рис. 1.

Таким образом, динамика свидетельствует о том, что за время пандемии российский потребитель резко переключился с самостоятельных походов в магазин на покупки со своего смартфона, ноутбука, планшета и т. д. Изменение поведения потребителя обуславливает необходимость пересмотра подходов к организации маркетинговой деятельности организаций. На

основании вышеизложенного актуализируется понятие цифрового маркетинга. В табл. 1 представлен анализ авторских подходов к определению «цифровой маркетинг» [3].

На основании табл. 1 можно утверждать, что все представленные определения имеют общую основу – использование в своей деятельности возможностей сети Интернет как пространства коммуникационных каналов. Все цифровые каналы коммуникации дают возможность получать полную аналитическую информацию о своем покупателе с целью совершенствования и оптимизации работы с ним [4].

К основным инструментам цифрового маркетинга в части коммуникаций с потребителями следует отнести:

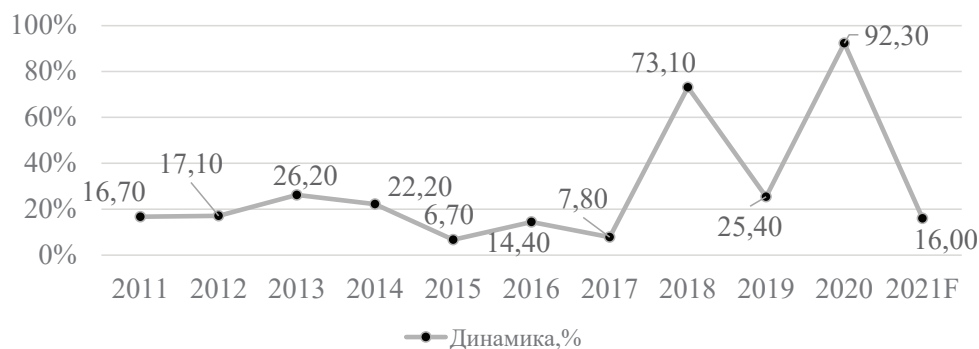

Рис. 1. Динамика развития внутреннего рынка онлайн-торговли в России, в % [2]

Таблица 1

Авторские подходы к определению понятия «цифровой маркетинг»

Автор	Определение
В.С. Магомадов, 2016	Цифровой маркетинг – маркетинг товаров и услуг посредством цифровых каналов с целью привлечения потребителей
Т.П. Данько, О.В. Китова, 2018	Цифровой маркетинг – маркетинг, обеспечивающий взаимодействие с клиентами и бизнес-партнерами с использованием цифровых информационно-коммуникационных технологий и электронных устройств
Д.А. Шевченко, 2019	Цифровой маркетинг – это маркетинг продвижения продуктов и услуг с использованием цифровых каналов для охвата потенциальных потребителей
Г.В. Бутковская, А.В. Статкус, 2018	Цифровой маркетинг представляет собой зонтичный термин, описывающий процессы использования цифровых технологий с целью привлечения и удержания клиентов, анализа и понимания предпочтений клиентов, изучения и улучшения клиентского опыта и формирования на этой основе релевантных маркетинговых коммуникаций
П. Каннан, А. Хунгуан, 2016	Цифровой маркетинг представляет собой использование цифровых технологий и электронных средств массовой коммуникации для продвижения торговых брендов или продуктов и привлечения потребителей
Н.И. Архипова, М.Т. Гуриева, 2018	Электронный маркетинг – гораздо более масштабное явление, чем маркетинг в Интернете, с которым его преимущественно ассоциируют, хотя и представлен в значительной степени интернет-маркетологом и его инструментами
М.А. Окландер, 2014	Digital Marketing – это совокупность инструментов продвижения, при которых задействуются цифровые каналы. Суть цифрового маркетинга заключается в передаче информационных сообщений целевой аудитории через онлайн-среду

1. Контент-маркетинг – он позволяет формировать узнаваемость бренда, осуществлять продажи через востребованный целевой аудиторией контент, требует меньшей финансовой отдачи, чем классические способы рекламы, увеличивает поисковый трафик за счет роста количества новых материалов на сайте, повышает экспертность продавца как в глазах покупателей, так и в глазах конкурентов [5]. Главной особенностью данного инструмента цифрового маркетинга является отказ от традиционной push-коммуникации, когда реклама

навязывается клиенту вне зависимости от его интересов, к pull-коммуникации, когда продавец сам предоставляет информацию о товаре, делая клиента осведомленным и заинтересованным. Согласно исследованиям журнала Adweek в 2020 г. пользователи социальных сетей интересовались следующим контентом на бизнес-страницах: 41 % интересовали живые посты про «жизнь» компании, 49 % – приятные посты для вдохновения с красивой визуализацией, 56 % – развлекательные публикации с юмором, 59 % – информационные посты,

60 % – публикации о новинках и кейсах, 72 % – посты о скидках и акциях [6].

2. Email-маркетинг – почтовые рассылки. Преимуществами email-маркетинга являются его низкая стоимость, информативность и полное управление. Существуют сервисы для электронных рассылок, позволяющие собирать статистику в режиме реального времени, а также оценивать эффект проводимой кампании. Клиент вправе «отписаться» от рассылки, если он этого захочет, что повышает доверие к компании и позволяет отбросить тех клиентов, которые не заинтересованы в покупке товара или участии в акциях. В 2020 г., по данным исследования 2020 State of Email Engagement от Litmus, среднее время чтения одного письма снизилось на 12 % по сравнению с 2018 г. и составило 11,28 с. При этом в первой половине 2020 г. среднее время чтения составляло 11,23 с, а во второй половине года этот показатель увеличился ровно на 1 с (на мобильных устройствах – на 1,33 с). Также категория «Маркетинг/реклама» характеризуется самым высоким процентом открытий и входит в топ-5 с самой низкой долей отписок. Самым популярным гаджетом в 2020 г. для просмотра таких писем стал iPhone (84 %), второе место занял iPad (4,5 %), замыкают тройку устройства под управлением Android (0,3 %). Эту статистику стоит учитывать при проектировании и создании макета рекламного письма для распространения качественного и привлекательно-го контента.

3. SMM (Social Media Marketing) – продвижение в социальных сетях. Продвижение компаний в социальных сетях привлекательно тем, что почти 50 % населения земного шара пользуется ими – более 3 млрд пользователей по состоянию на конец 2020 г. По данным исследования GlobalWebIndex, 54 % пользовате-

лей используют социальные сети для исследования продуктов. А на одного человека в день приходится в среднем 2 ч 22 мин на пребывание в социальных сетях и обмен сообщениями. Число пользователей социальных сетей постоянно растет. Hootsuite предложил свою статистику, в которой говорится о 321 млн новых пользователей социальных сетей в 2019 г. и 350 млн в 2020 г. [7]. По данным исследования Mediascope, в августе 2021 г. 73 % россиян зарегистрированы и пользуются социальными сетями, при этом 49 % из них заходят в сеть ежедневно. Данное исследование проводилось среди населения России в возрасте от 12 лет и старше. Подробные результаты исследования представлены в табл. 2 [8].

Основной отличительной особенностью, преимуществом SMM-продвижения является высокая степень доверия пользователей к предлагаемому компанией контенту. Стоит упомянуть также о том, что такой способ демонстрации контента обходится компании дешевле, чем, например, реклама по телевидению, учитывая тот факт, что охват целевой аудитории остается неизменным или даже растет. Возможности цифровых технологий позволяют сегментировать целевую аудиторию по ряду критериев, что впоследствии может существенно повысить качество донесения информации.

4. Контекстная реклама. Новостная лента контекстной рекламы постоянно пополняется все новыми возможностями. В 2020 г. были представлены следующие нововведения: смарт-платка, аудиобаннер, видеоконструктор, непропускаемые видеоролики и др.

По данным исследования Aogі, максимальная цена клика в 2020 г. была зарегистрирована в Яндексе – 24,2 руб., в Гугле она составила 19,9 руб. (рис. 2).

Таблица 2

Охват пользователей в социальных сетях, в %

ВКонтакте	Instagram	TikTok	Одноклассники	Telegram	Facebook
Охват за месяц					
58	49	32	33	31	29
Среднесуточный охват					
31	24	13	12	12	12

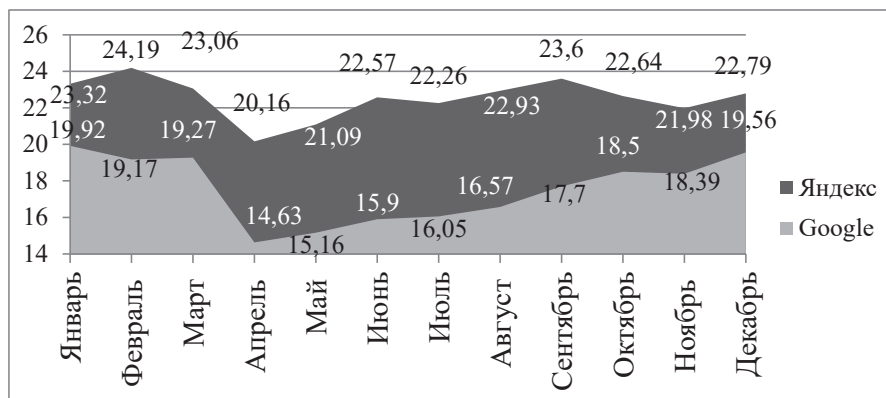

Рис. 2. Средняя цена клика по месяцам, в руб.

Контекстная реклама охватывает большой объем аудитории и учитывает ее интересы по ряду параметров: ввод запроса, просмотр страниц, личные интересы и история поисковой активности. С развитием контекстной рекламы появился ряд новых функций, например, возможность использования геотаргетинга и выбора времени показа объявлений пользователям, т. е. теперь контекстную рекламу можно показывать в определенное время суток и только для тех пользователей, которые географически подходят рекламируемому предприятию. Однако контекстная реклама подвержена постоянному кликиванию или клик-фроду (накрутке кликов по объявлениям контекстной рекламы), что в итоге приводит к росту стоимости рекламы и существенно снижает ее эффективность. Кроме того, потребители ставят специальные программы и плагины для блокировки контекстной рекламы, что влечет к снижению ее эффективности.

5. SEO (Search Engine Optimization) – продвижение сайта в поисковых системах. Данный инструмент позволяет повышать конверсию сайта, улучшать юзабилити, контролировать сайт и реагировать на возникающие проблемы с нестабильностью работы хостинга, индексацией сайта, попаданием в индекс конфиденциальной информации. Если используется сразу несколько каналов трафика, данный инструмент продвижения позволяет сделать поток клиентов стабильнее. Главным преимуществом SEO является постоянство стоимости, даже в случае, если сайт получит больше посетите-

лей, чем планируется. Одним из ограничений является то, что каждому сайту присваивается регион или несколько регионов в зависимости от адресов офисов компании, и если в регионе действия компании ее сайт может выводиться наравне с конкурентами, то в других регионах предпочтение будет отдаваться местным сайтам.

6. Собственный сайт компании. Главное его преимущество состоит в том, что он работает круглосуточно и может позволить бизнесу генерировать прибыль даже в ночное время суток. В современном мире любой компании необходим свой сайт, чтобы достойно конкурировать на рынке.

Сегодня эффективный маркетинг – это сочетание традиционных и цифровых каналов коммуникации с потребителем [9]. Исследователи К.Л. Келлер и Р. Батра просуммировали все возможные каналы коммуникации и сопоставили их с задачами коммуникации с потребителями (табл. 3) [10]. Данный подход нельзя назвать универсальным, поскольку инструменты постоянно меняются, и даже если сам инструмент остается неизменным, меняются его технические возможности.

Таким образом, развитие цифровой экономики влечет за собой изменение поведения потребителя, а следовательно, и маркетинговых подходов работы с ним. Трансформация инструментов маркетинговых коммуникаций позволяет повышать их эффективность за счет персонализированного подхода к оптимизации затрат на реализацию.

Выбор каналов/инструментов коммуникации

	Телевидение	Промо-акции	События	PR	SMM	Сайт	Контекстная реклама	Мобильный маркетинг	e-mail, push	Личные продажи
Формирование осведомленности	●●	●●	●●	●●	●●	●●	●●	●●	●●	○
Информационная поддержка	○	○	○	○	●●	○	○	●●	●●	●●
Закрепление устойчивого образа бренда	●●	●●	●●	●●	●●	○	●●	●●	○	○
Формирование доверия	○	○	○	●●	●●	○	○	●●	○	●●
Усиление эмоций	●●	●●	●●	●●	●●	●●	○	●●	○	○
Подталкивание к действию	○	●●	○	○	○	●●	●●	●●	●●	●●
Укрепление лояльности	○	○	○	○	●●	●●	○	○	●●	●●

Литература

1. Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван А. Маркетинг 4.0. Разворот от традиционного к цифровому. Технологии продвижения в интернете. – М.: Бомбора, 2019. – 224 с.
2. Barkalov S., Dorofeev D., Fedorova I., Polovinkina A. Application of digital twins in the management of socio-economic systems // 22nd International Scientific Conference on Energy Management of Municipal Facilities and Sustainable Energy Technologies. – 2020. – Vol. 126. – Is. 1. – P. 25–35.
3. Колодник Т. Развитие теории цифрового маркетинга // Наука и инновации. – 2021. – № 1. – С. 53–57.
4. Eagle L., Czarnecka B., Dahl S., Lloyd J. Marketing Communications. – 2nd ed. – London: Routledge, 2020. – 402 p.
5. Новикова Е.Н., Юсупова И.В. Цифровая экономика и digital-маркетинг: учебное пособие. – Казань: Абзац, 2019. – 155 с.
6. Khan R.S., Surkov V.V., Fedosenko A.A., Olatalo O.A. Construction enterprises' marketing activities in the economic turbulence period // IOP Conference

Series: Materials Science and Engineering. – 2020. – Vol. 913. – Is. 5. – Art. 052018.

7. Othman N., Mohd Suki N., Mohd Suki N. Evolution Trends of Facebook Marketing in Digital Economics Growth: A Bibliometric Analysis // International Journal of Interactive Mobile Technologies. – 2021. – Vol. 15. – Is. 20. – P. 68–82.

8. Молчанов Н.Н., Муравьева О.С., Макарова М.С. Анализ влияния потребителей инструментов цифрового маркетинга (на основе их самооценки) // Устойчивое развитие: общество и экономика: материалы VI Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 28 февраля – 1 марта 2019 г.). – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2019. – С. 472–475.

9. Шевченко Д.А. Цифровой маркетинг: обзор каналов и инструментов // Практический маркетинг. – 2019. – № 10 (272). – С. 29–37.

10. Ugolkov I., Karyu O., Skybinskiy O., Ugolkova O., Zhezhukha V. The evaluation of content effectiveness within online and offline marketing communications of an enterprise // Innovative Marketing. – 2020. – Vol. 16. – Is. 3. – P. 26–36.

Информация об авторах

Мартынова Ольга Вячеславовна, кандидат экономических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: olgav1982@mail.ru

Ревенко Елизавета Андреевна, магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: revenelizabeth@gmail.com

O.V. MARTYNOVA,
PhD in Economics, Associate Professor,
Kazan (Volga region) Federal University

E.A. REVENKO,
Master Student,
Kazan (Volga region) Federal University

TRANSFORMATION OF MARKETING COMMUNICATION TOOLS IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. The development of the digital economy in Russia and the world is characterized by high rates. It can already be said that digitalization is an inevitable process that has become commonplace, and significantly affects all spheres of public activity, including marketing, which today is subject to significant changes. The volume of online trade in Russia and the world is characterized by annual growth, especially noticeable in recent years under the influence of the COVID-19 pandemic, during which the Russian consumer switched from going to an offline store to shopping from his smartphone, laptop, tablet, etc. As a result of the study, it was found that the shift in the plane of marketing activities to the digital environment is due to a change in consumer behavior and the active development of digital tools, primarily in the field of communication with consumers. The article analyzes the definitions of the concept of “digital marketing” in domestic and foreign literature, and also examines the main digital marketing tools, such as content marketing, email marketing, SMM, contextual advertising, SEO and the company’s website, highlighting the advantages, disadvantages and features of application in marketing activities, including depending on the tasks of communication with consumers.

Keywords: digital economy, digital marketing, marketing activities, marketing communications, e-mail marketing, mobile marketing, content marketing.

References

1. *Kotler F., Kartadzhajya H., Setiawan A.* Marketing 4.0. Turning from traditional to digital. Technologies of promotion on the Internet. – Bombora, 2019. – P. 1–224.
2. *Barkalov S., Dorofeev D., Fedorova I., Polovinkina A.* Application of digital twins in the management of socio-economic systems // 22nd International Scientific Conference on Energy Management of Municipal Facilities and Sustainable Energy Technologies. – 2020. – Vol. 126. – Is.1. – P. 25–35.
3. *Kolodnik T.* Development of digital Marketing theory // Science and innovation. – 2021. – No. 1. – P. 53–57.
4. *Eagle L., Czarnecka B., Dahl S., Lloyd J.* Marketing Communications. – 2nd ed. – London: Routledge, 2020. – 402 p.
5. *Novikova E.N., Yusupova I.V.* Digital Economy and Digital Marketing: a textbook. – Kazan, Publishing House “Abzac”, 2019. – 155 p.
6. *Khan R.S., Surkov V.V., Fedosenko A.A., Olatalo O.A.* Construction enterprises’ marketing activities in the economic turbulence period // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2020. – Vol. 913. – Is. 5. – Art. 052018.
7. *Othman N., Mohd Suki N., Mohd Suki N.* Evolution Trends of Facebook Marketing in Digital Economics Growth: A Bibliometric Analysis // International Journal of Interactive Mobile Technologies. – 2021. – Vol. 15. – Is. 20. – P. 68–82.

8. *Molchanov N.N., Murav'eva O.S., Makarova M.S.* Analysis of the influence of consumers of digital marketing tools (based on their self-assessment) // Sustainable Development: Society and Economy: Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference. – SPb.: Publishing House of St. Petersburg University. – 2019. – P. 472–475.

9. *Shevchenko D.A.* Digital marketing: an overview of channels and tools // Practical marketing. – 2019. – No. 10(272). – P. 29–37.

10. *Ugolkov I., Karyy O., Skybinskyi O., Ugolkova O., Zhezhukha V.* The evaluation of content effectiveness within online and offline marketing communications of an enterprise // Innovative Marketing. – 2020. – Vol. 16. – Is. 3. – P. 26–36.

ВОПРОСЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

УДК 331.08

Е.Н. БАВЫКИНА,

кандидат экономических наук, доцент

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина*

О.В. МЕЛЬНИКОВА,

кандидат экономических наук, доцент

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина*

Р.М. БЕЛИКОВА,

кандидат биологических наук, доцент

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ НА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Аннотация. В данной статье рассматривается актуальная проблема совершенствования системы трудовой мотивации на отечественных предприятиях. Основными задачами исследования являются: изучение теоретического материала по вопросу трудовой мотивации и стимулирования персонала; разработка анкеты и проведение исследования, направленного на выявление факторов, мотивирующих работников предприятия.

Для решения поставленных задач использовались критический и системный анализ профильной литературы. Сбор первичной информации для проведения исследования проводился посредством анкетного опроса (с использованием специально разработанной анкеты). Информационной базой исследования выступили данные опросной статистики работников предприятий. Анализ полученных данных свидетельствует о том, что все мотивационные факторы уместно разделить на несколько групп. В зависимости от принадлежности к определенной группе подбирается набор стимулов для повышения эффективности деятельности. Сквозными, характерными для всех функциональных категорий, относительно проблемными мотивами выступают: достойный уровень заработной платы, справедливая заработная плата, зависящая от результативности труда, и обоснованная система премирования.

Полученные в ходе исследования и представленные в статье результаты могут быть использованы службами управления персоналом на предприятиях, а также для научных исследований.

Ключевые слова: мотивация, трудовая мотивация, система мотивации, мотивационные факторы, персонал.

Тема мотивации в настоящее время очень актуальна, так, например, многие предприятия самостоятельно или по заказу проводят исследования с целью выявления факторов трудовой мотивации сотрудников для принятия эффективных управленческих решений.

Ключевыми мотивационными факторами, принятыми в области экономики труда, являются комфортные условия работы, достойный уровень заработной платы, возможность профессионального развития, психологический климат в коллективе, корпоративная культура,

наличие социального пакета. Эффективность деятельности предприятия более чем наполовину зависит от данных факторов. От того, с каким желанием будут работать сотрудники, захочется ли им идти на работу, выполнять свои обязанности, достигать цели организации, будет зависеть положение организации на рынке, ее статус среди конкурентов и прибыль.

В ходе исследования было проведено анкетирование, в котором приняли участие 5 000 работников разных предприятий и разных должностей. Анкета состояла из двух блоков. Первый блок – блок параметрических данных респондента, а второй – аналитический. В качестве мотивов в опроснике было использовано тринадцать параметров, определяющих сущность мотивации: условия труда; статус предприятия; возможность карьерного роста; престиж занимаемой должности; уровень заработной платы; возможность профессионального развития; наличие социальных льгот; удовлетворенность от работы; моральное поощрение; корпоративная культура; организационная культура; справедливая заработная плата; обоснованная система премирования.

Оценка параметров позволяет выявить уровень трудовой мотивации. Для этого надо оценить по пятибалльной шкале уровень ожидания и уровень восприятия того или иного параметра работником. Затем рассчитывается уровень трудовой мотивации как соотношение восприятия и важности параметра. Данный показатель рассчитывается по каждому работнику. В итоге рассчитывается средний уровень мотивации по группе работников (руководитель, специалист, рабочий).

Каждому фактору присваивается уровень: высокий (0,84–1), выше среднего (0,68–0,83), средний (0,52–0,67), ниже среднего (0,36–0,51) и проблемный (0,2–0,35).

Результаты анкетирования представлены ниже (табл. 1–4).

Как мы видим, результаты трудовой мотивации сотрудников по функциональным категориям оказались выше среднего уровня.

Из данных табл. 2 видно, что трудовая мотивация сотрудников, ранжированных по уровню образования, находится на среднем уровне.

Уровень трудовой мотивации, как видно из табл. 3, не зависит от половых признаков. Он одинаково высок как у женщин, так и у мужчин.

Таблица 1

Сводные результаты оценки трудовой мотивации сотрудников по функциональным категориям

Категория работников	Структура, %	Абсолютный уровень	Относительный уровень
Руководитель	33,30	0,83	Выше среднего
Специалист	30,70	0,77	Выше среднего
Рабочий	36,0	0,63	Средний
Итого	100,0	0,74	Выше среднего

Таблица 2

Сводные результаты оценки трудовой мотивации сотрудников по уровню образования

Уровень образования	Структура, %	Абсолютный уровень	Относительный уровень
Среднее	18,30	0,50	Ниже среднего
Средне-специальное	42,70	0,66	Средний
Высшее	40,0	0,73	Выше среднего
Итого	100,0	0,63	Средний

Таблица 3

**Сводные результаты оценки трудовой мотивации сотрудников
по гендерному признаку**

Пол работника	Структура, %	Абсолютный уровень	Относительный уровень
Мужской	53,00	0,79	Выше среднего
Женский	47,00	0,83	Выше среднего
Итого	100,0	0,81	Выше среднего

Таблица 4

**Сводные результаты оценки трудовой мотивации сотрудников
по возрастному признаку**

Возраст работника, лет	Структура, %	Абсолютный уровень	Относительный уровень
18–30	10,0	0,50	Ниже среднего
31–45	42,0	0,56	Средний
45–59	40,0	0,77	Выше среднего
60 и более	8,0	0,93	Высокий
Итого	100,0	0,69	Выше среднего

Результаты по последнему критерию показали, что самый высокий из возможных уровень мотивации наблюдается у людей старше 60 лет. Это та категория, для которой работа превращается в смысл жизни. Они вкладывают все силы в свое любимое дело. Рост и развитие предприятия для них лучшая мотивация. Вторым по уровню мотивации считается возрастной период 31–45 лет, это наиболее значимые сотрудники, чья работа незаменима на предприятии.

По результатам комплексной диагностики трудовой мотивации руководителей было установлено, что в целом данный показатель у них является относительно благополучным. В количественном выражении уровень трудовой мотивации руководителей составил 0,82.

По результатам комплексной диагностики трудовой мотивации специалистов было установлено, что для них мотивами-лидерами являются:

- достойный уровень заработной платы (4,91);
- условия труда (4,82);
- профессиональное развитие (4,80).

Соответственно, мотивами-аутсайдерами, с наименьшим рейтингом важности, являются:

- развитая корпоративная культура (2,64);
- моральное поощрение труда (3,09).

Уровень трудовой мотивации специалистов составил 0,77, что соответствует градации «выше среднего», его также стоит считать относительно благополучным, поскольку в целом по персоналу уровень трудовой мотивации составляет 0,74.

Рассматривая результаты комплексной диагностики трудовой мотивации рабочих, можно увидеть, что для них мотивами-лидерами являются:

- достойный уровень заработной платы (5,00);
- условия труда (4,92);
- предоставление социального пакета (4,72).

Мотивы-аутсайдерами в этой категории сотрудников:

- моральное поощрение труда (1,80);
- возможность обучения / повышения квалификации на базе предприятия (2,00).

Уровень трудовой мотивации рабочих составил 0,63 балла, что соответствует градации «средний».

В ходе комплексной диагностики трудовой мотивации всех категорий сотрудников было установлено:

1. Мотивы-лидеры, имеющие наивысший рейтинг важности, это:

- достойный уровень заработной платы (4,97);

- условия труда (4,87);
- профессиональное развитие (4,75).

2. Мотивы-аутсайдеры, имеющие наименьший рейтинг важности, это:

- развитая корпоративная культура (2,44);
- моральное поощрение труда (2,78).

Уровень трудовой мотивации всех категорий сотрудников составил 0,79, что соответствует градации «выше среднего».

В ходе обработки данных, полученных путем анкетирования сотрудников, был проведен критический анализ проблемных моментов трудовой мотивации персонала.

Для того чтобы наглядно показать, какие мотивы из представленных в анкете оказались наиболее проблемными, были выделены четыре градации уровня трудовой мотивации: относительно благополучный, относительно нормальный, относительно удовлетворительный и относительно проблемный.

Сводные результаты относительного анализа трудовых мотивов по оценке руководителей свидетельствуют о том, что наименьший рейтинг важности имеет мотив «развитая корпоративная культура» (2,90), а наибольший – «достойная заработная плата» (5,00).

Для специалистов проблемными оказались те же показатели, что и для руководителей, однако другие критерии разделились иначе.

Для рабочих к проблемным мотивам отнесены: достойный уровень заработной платы, справедливая заработная плата, зависящая от результативности труда, и обоснованная система премирования, также добавился мотив «хорошие условия труда». Наибольшее количество мотивов соответствуют среднему уровню, что свидетельствует о менее хорошей мотивации для сотрудников этой категории. Наиболее значимым мотивом по рейтингу важности оказалась справедливая заработная плата, зависящая от результативности труда (4,79), а наименее значимым – развитая корпоративная культура (2,86).

Сотрудники с высшим образованием наиболее высоко оценили профессиональное развитие, карьерный рост, премирование сотрудников.

Для сотрудников со средне-специальным образованием проблемными критериями оказались четыре мотива: хорошие условия труда,

достойный уровень заработной платы, справедливая заработная плата, зависящая от результативности труда, и обоснованная система премирования, остальные мотивы были оценены достаточно высоко.

Для работников без высшего и профессионального образования значимым является мотив заработной платы и условий труда.

По сравнению с женщинами, для мужчин проблемными являются условия труда. В целом мужское видение ситуации с мотивацией на предприятии можно расценивать как среднее. Наиболее значимым мотивом по рейтингу важности оказалась достойная заработная плата (4,80), а наименее значимым – возможность карьерного роста (3,40).

Судя по коэффициенту трудовой мотивации, наименьший уровень имеет мотив «предоставление социального пакета» (3,00), наивысший же – мотив «достойный уровень заработной платы» (2,20).

Для категории работников в возрасте от 18 до 30 лет наиболее значимым является мотив «достойная заработная плата (5,00), а наименее значимым – «развитая корпоративная культура» (2,38).

Для сотрудников в возрасте от 31 года до 45 лет наиболее значимым мотивом по рейтингу важности оказалась достойная заработная плата (4,83), а наименее значимым – развитая корпоративная культура (1,50).

Наиболее значимыми по рейтингу важности для сотрудников в возрасте от 46 до 59 лет оказались все мотивы, кроме возможности карьерного роста и справедливой заработной платы, зависящей от результативности труда (они имели рейтинг 5,00 баллов), а наименее значимым – возможность карьерного роста (4,00). Судя по коэффициенту трудовой мотивации, наименьший уровень имеют такие мотивы, как хорошие условия труда, престижность предприятия, престижность занимаемой должности, возможность обучения на базе предприятия, удовлетворенность от работы, развитая корпоративная культура и предоставление социального пакета (3,00), а наивысший уровень – у достойной заработной платы, справедливой заработной платы, зависящей от результатов труда, и обоснованной системы премирования (5,00).

Сотрудники в возрасте 60 лет и старше высоко оценили подавляющее большинство мотивов, в том числе и такие мотивы, как корпоративная культура и наличие социального пакета.

Среди рекомендаций по улучшению проблемных мотивов можно отметить следующие:

– для обеспечения достойного уровня заработной платы предложено поэтапное ее повышение до уровня среднегородской за счет оптимизации численности персонала и повышения функциональной гибкости работников;

– для установления справедливой заработной платы, зависящей от результативности труда, предложен поэтапный переход на гибкую систему оплаты труда, ставящую индивидуальный заработок работника в прямую зависимость от индивидуального результата труда;

– для обеспечения обоснованной системы премирования предложено ввести систему премирования, диверсифицирующую размер текущей премии от достигнутого результата труда.

Литература

1. Ключков С.А. Особенности систем мотиваций персонала в России // Управление персоналом. – 2014. – № 1. – С. 23–28.
2. Левина С.О. Управление мотивацией руководителей и специалистов организации // Управление персоналом. – 2013. – № 3. – С. 45–47.
3. Озерникова Т.С. Повышение мотивационной функции системы вознаграждений // Человек и труд. – 2013. – № 9. – С. 40–44.
4. Ревенков Л.С. Мотивация трудовой деятельности // Экономист. – 2012. – № 7. – С. 71–72.
5. Соломандина Т.П. Мотивация трудовой деятельности персонала // Управление персоналом. – 2013. – № 3. – С. 265.
6. Bukhonova S.M., Doroshenko Y.A. Theoretical and methodological foundations, economic assessment of labor potential // Russian Journal of Entrepreneurship. – 2014. – Vol. 6. – P. 68–73.
7. Krivokora E.I., Fursov V.A., Pyanov A.I., Astakhova E.A. Geopolitical factors of personnel security // Human Resources and Intellectual Resources Management in Russia. – 2018. – Vol. 3. – P. 14–27.
8. Singer J., Gent I.P., Smaill A. Backbone fragility and the local search cost peak // Journal of Artificial Intelligence Research. – 2000. – Vol. 12. – P. 235–270. – URL: <https://doi.org/10.1613/jair.711>.
9. Dovidio J. F. Bridging intragroup processes and intergroup relations: Needing the twain to meet // British Journal of Social Psychology. – 2013. – Vol. 52. – Is. 1. – P. 1–24.
10. Eller A., Abrams D. Come together: Longitudinal comparisons of Pettigrew's reformulated intergroup contact model and the common ingroup identity model in Anglo-French and Mexican-American contexts // European Journal of Social Psychology. – 2004. – Vol. 34. – P. 1–28.

Информация об авторах

Бавыкина Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина.

E-mail: bawikina.82@mail.ru

Мельникова Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина.

E-mail: borisova-83@mail.ru

Беликова Радмила Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина.

E-mail: radmila.belikova.76@list.ru

E.N. BAVYKINA,
PhD in Economics, Associate Professor,
Altai State Humanitarian and Pedagogical University named after V.M. Shukshin

O.V. MELNIKOVA,
PhD in Economics, Associate Professor,
Altai State Humanitarian and Pedagogical University named after V.M. Shukshin

R.M. BELIKOVA,
PhD in Biology, Associate Professor,
Altai State Humanitarian and Pedagogical University named after V.M. Shukshin

IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF LABOUR MOTIVATION AT DOMESTIC ENTERPRISES

Abstract. This article considers the problem of improving the system of labor motivation in domestic enterprises. The main task is to study the theoretical material on the issue of labor motivation and incentive of staff, as well as to develop a questionnaire and conduct a study aimed at identifying the factors motivating employees.

Critical analysis of economic literature and system analysis were used to solve the tasks. Primary information for the study was collected through questionnaire survey methods (using a specially designed questionnaire). The information base of the study was the data of survey statistics of employees of enterprises.

Analysis of the obtained data suggests that all motivational factors should be divided into several groups. Depending on the group, a set of incentives is selected to improve performance. The findings of the study obtained in the article can be used by personnel management services in enterprises.

Keywords: motivation labor motivation, motivation system, motivation factors, personnel.

References

1. *Klochkov S.A.* Features of staff motivation systems in Russia // *Personnel management.* – 2014. – No. 1. – P. 23–28.
2. *Levina S.O.* Management of motivation of managers and specialists of the organization // *Personnel management.* – 2013. – No. 3. – P. 45–47.
3. *Ozernikova T.S.* Increasing the motivational function of the remuneration system // *Man and labor.* – 2013. – No. 9. – P. 40–44.
4. *Revenkov L.S.* Motivation of labor activity // *Economist.* – 2012. – No. 7. – P. 71–72.
5. *Solomandina T.I.* Motivation of personnel quadrant activities // *Personnel management.* – 2013. – No. 3. – P. 265.
6. *Bukhonova S.M., Doroshenko Y.A.* Theoretical and methodological foundations, economic assessment of labor potential // *Russian Journal of Entrepreneurship.* – 2014. – Vol. 6. – P. 68–73.
7. *Krivokora E.I., Fursov V.A., Pyanov A.I., Astakhova E.A.* Geopolitical factors of personnel security // *Human Resources and Intellectual Resources Management in Russia.* – 2018. – Vol. 3. – P. 14–27.
8. *Singer J., Gent I.P., Smaill A.* Backbone fragility and the local search cost peak // *Journal of Artificial Intelligence Research.* – 2000. – Vol. 12. – P. 235–270. – URL: <https://doi.org/10.1613/jair.711>.
9. *Dovidio J.F.* Bridging intragroup processes and intergroup relations: Needing the twain to meet // *British Journal of Social Psychology.* – 2013. – Vol. 52. – Is. 1. – P. 1–24.
10. *Eller A., Abrams D.* Come together: Longitudinal comparisons of Pettigrew's reformulated intergroup contact model and the common ingroup identity model in Anglo-French and Mexican-American contexts // *European Journal of Social Psychology.* – 2004. – Vol. 34. – P. 1–28.

УДК 331.1

О.Ю. КУКУШКИНА,
кандидат социологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Р.П. ЯКУНИНА,
соискатель кафедры логистики и управления
Казанский национальный исследовательский технологический университет

GREEN HUMAN RESOURCES MANAGEMENT – НОВАЯ МИРОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

Аннотация. Эффективное управление любой современной организацией не представляется возможным без четко выстроенной системы управления персоналом. Данная статья посвящена новому подходу в управлении человеческими ресурсами организации – Green Human Resources Management. Устойчивое развитие играет одну из важнейших ролей в обеспечении конкурентных преимуществ современных компаний, ставит вопрос о том, как внедрить и применить экологические практики в систему управления персоналом организации. Следовательно, целью настоящей статьи является анализ такого подхода, как Green Human Resources Management (GHRM) – «зеленое» управление человеческими ресурсами организаций, а также анализ его использования в деятельности различных компаний. Вопросам развития экологического управления человеческими ресурсами посвящено множество трудов зарубежных исследователей. В данной статье изучены основные теории Green Human Resources Management, представлен анализ литературы по вопросам практик «зеленого» управления человеческими ресурсами. Рассмотрены мировые практики применения Green human resources management в ведущих международных компаниях, проанализирован опыт стран, применяющих данный подход. В выводах статьи обоснованы причины для внедрения «зеленого» управления человеческими ресурсами в практику и политику российских компаний.

Ключевые слова: Green Human Resources Management, «зеленое» управление человеческими ресурсами, «зеленое» управление персоналом, устойчивое развитие, управление человеческими ресурсами.

За последние два десятилетия возрастающий интерес к защите окружающей среды и устойчивому развитию поспособствовал возникновению такого нового для российской практики направления исследований в области управления человеческими ресурсами и управления персоналом, как Green Human Resources Management («зеленое» управление человеческими ресурсами). В настоящее время проблема устойчивого развития является весьма актуальной как на межстрановом, так и на региональном уровне, поэтому компании стараются больше заботиться о влиянии экологических проблем на свою конкурентоспособность, которую определяют человеческие ресурсы, играя ключевую роль в ее достижении [10].

Концепция «зеленого» УЧР является новой сферой исследований в области организационных изменений, начавшихся в 1990-х гг. [6]. В зарубежных исследованиях существует мно-

жество трактовок GHRM. По одной из них «зеленое» УЧР можно определить как набор политик, практик и систем, которые стимулируют экологичное поведение сотрудников компании с целью создания экологически чувствительной, ресурсоэффективной и социально ответственной организации.

Вопросам развития экологического управления человеческими ресурсами посвящено множество трудов зарубежных исследователей. Описание практического применения методов «зеленого» УЧР находит отражение в исследованиях таких ученых, как S. Ahmad, A.A. Arulrajah, H.H. Opatha, N.N.J. Nawaratne, G. Tang, Y. Chen и др. [3–13]. Оценка практики управления «зелеными» человеческими ресурсами в высшем учебном заведении отражена в исследовании S. Mukherjee, S. Bhattacharjee, N. Paul, U. Vanerjee (2020). Существуют исследования, описывающие положительное вли-

яние GHRM на приверженность организации (Kim et al., 2019) [11, 12], финансовую эффективность, управление экологической цепочкой поставок (Nejati, Rabiei, Jabbour, 2017) и корпоративную экологическую эффективность (Kim et al., 2019) [9].

Проанализировав отечественные литературные источники, можно прийти к выводу, проблематика использования и применения практик GHRM в российских компаниях мало изучена и практически не распространена. Среди российских исследований изучению данной проблемы посвящены работы Г.С. Арзамасовой и И.А. Эсауловой, которые рассматривают Green Human Resource Management как концепцию управления человеческими ресурсами экологически ответственного бизнеса [2], а также анализируют вклад экологического УЧР на примере ООО «Газпром трансгаз Чайковский» [1]. В рамках концепции устойчивого развития развитие человеческих ресурсов на основании концепции человеческого капитала рассматривается в исследовании Р.П. Якуниной, А.И. Шинкевича [17].

Согласно зарубежным исследованиям и практикам на сегодняшний день концепция GHRM является достаточно распространенным и модным термином в бизнес-среде. Значение данной концепции со временем только возрастает. Тема экологического управления человеческими ресурсами включает в себя осведомленность и информированность о состоянии окружающей среды, предполагает социально-экономическую устойчивость организации.

Мировая практика применения Green Human Resources Management уже довольно широка. Известно, что Google использует «зеленую» технику рекрутинга, считая, что благодаря ей привлекаются самые талантливые люди [7]. «Зеленый» процесс найма включает в себя наем экологически чистых кандидатов без использования бумаги, т. е. заявления сотрудников могут быть приняты через сеть. Можно проводить интервью по телефону или онлайн.

Некоторые индийские организации инициировали «зеленые» принципы, такие, как меньшее использование бумаги, двусторонняя печать, выключение света, вентиляторов и кондиционеров в нерабочее время, призывая своих

сотрудников к совместному использованию автомобилей.

Многие немецкие организации, такие, как Bayer & Mannesmann и Siemens, привлекают потенциальных и высококонкурентных сотрудников, создавая им экологический имидж и используя экологически чистые мероприятия рекрутинга [16]. Кроме того, эти организации также уделяют особое внимание приему онлайн-заявлений о приеме на работу и проведению собеседований посредством видеоконференцсвязи [14].

Компании Honda, Starbucks, General Electric, Timberland и Goldman Sachs успешно интегрировали экологическое управление со своими методами управления персоналом. Все эти организации уже довольно давно избегают потерь бумаги, минимизируя ненужные распечатки и поощряя переработку использованной бумаги [15].

Также примером Green Human Resources Management может быть известная компания American Airlines, которая гарантирует повторное использование своих авиалайнеров в производстве более 616 000 фунтов алюминиевых банок. Помимо этого, повторное использование собственных продуктов успешно практикуют компании Kodak, DuPont и Procter and Gamble [4].

Система «зеленых» вознаграждений (денежных и неденежных) предназначена для мотивации сотрудников, которые достигают своих экологических целей, приходя с инновациями для защиты окружающей среды с минимальным использованием ресурсов, и действует в некоторых зарубежных компаниях, работающих в Европе, США и Великобритании. Они ввели оплату труда, связанную с производительностью, в соответствии с этой системой. Старшие работники и менеджеры среднего звена получили компенсацию в размере более 10 % за внедрение экологически чистых методов и производство экологически чистых товаров [8].

Главным стратегическим аспектом в области «зеленого» УЧР выступает персонал организации, в том числе HR-менеджеры, играющие важную роль в создании корпоративной культуры компании, частью которой в органи-

зациях должна быть экологическая ответственность. В обязанности HR-менеджеров организаций, имеющих свое производство, должно входить информирование вновь пришедших сотрудников и также уже работающих о концепции и практиках «зеленого» УЧР и правильном использовании природных ресурсов. Этим они будут помогать компании поддерживать надлежащую окружающую среду и сохранять природные ресурсы для будущих поколений. Отсюда следует, что GHRM – это сфера деятельности, напрямую связанная со стратегиями, информацией, материалами и технологиями, которые способствуют минимизации воздействия на окружающую среду и требуют специальных знаний, навыков и опыта в этих областях.

Казалось бы, на сегодняшний день достаточное количество организаций на глобальном уровне применяют методы управления человеческими ресурсами в экологическом контексте. Однако организации только в последние годы начали определять концепцию экологизации как часть своей кадровой политики и практики. Отсюда следует, что изучение и анализ практик и политик «зеленого» управления человеческими ресурсами способны внести значительный вклад в область управления персоналом в теоретическом и практическом плане.

Ввиду вышесказанного следует выделить причины того, почему важно принять и ввести практику «зеленого» управления человеческими ресурсами. Авторы статьи согласны с исследователями института Нью-Дели, которые выделяют следующие причины принятия практик GHRM [5]:

– потребности в развитии трудовых ресурсов, которые появляются ввиду формирования «зеленой» экономики», что способно принести пользу сотрудникам;

– если сотрудники заинтересованы в решении проблем данного рода, то они стараются найти более инновационные решения бизнес-проблем, связанных с динамическими изменениями и устойчивым развитием;

– GHRM способствует созданию новых рабочих мест, открывающих возможность трудоустройства для более продвинутых, современ-

ных и талантливых сотрудников с «зелеными» ценностями.

Основываясь на довольно успешном западном опыте использования практик «зеленого» УЧР, российским предприятиям и организациям необходимо брать курс на внедрение их в свои кадровую и стратегическую политику. Уже так эффективно работающие и активно используемые во всем мире практики GHRM способны вывести организацию на новый уровень бизнес-процессов, снизить затраты, улучшить практики корпоративной социальной ответственности и повысить привлекательность компании с точки зрения бренда работодателя.

Литература

1. Арзамасова Г.С., Черепанов А.А. Вклад экологического управления человеческими ресурсами в развитие системы экологического менеджмента: опыт российского предприятия // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2020. – № 3. – С. 114–122.
2. Арзамасова Г.С., Эсаулова И.А. Green human resource management – концепция управления человеческими ресурсами экологически ответственного бизнеса // Вестник НГУЭУ. – 2020. – № 2. – С. 42–53.
3. Arulrajah A.A. et al. Green Human Resource Management Practices: A Review // Sri Lankan Journal of Human Resource Management. – 2015. – Vol. 5. – Is. 1. – P. 1–16.
4. Anuradha A., Srivastava A.K. The Study of Green Human Resource Management and its effect on employees' health in Automobile Industry // International Conference on Advances in Business Management and Law (ICABML). – 2019. – Vol. 2. – P. 149–158.
5. Swaty Dr., Madan S. GREEN HRM: A Requirement for 21st Century // International Journal of Engineering and Management Research. – 2016. – Vol. 6. – Is. 4. – P. 239–243.
6. Green Human Resources Management Definition & Meaning // You Matter. – URL: [https://youmatter.world/en/definition/green-human-resources-management-meaning-definition/#:~:text=Green%20Human%20Resources%20Management%20\(GHRM,efficient%2C%20and%20socially%20responsible%20organization/](https://youmatter.world/en/definition/green-human-resources-management-meaning-definition/#:~:text=Green%20Human%20Resources%20Management%20(GHRM,efficient%2C%20and%20socially%20responsible%20organization/) (дата обращения: 20.11.2021).
7. Examples of Companies who adopted GREEN HRM General Electric's Uses Six Sigma: Course Hero. – URL: <https://www.coursehero.com/file/p31skc5/>

Examples-of-Companies-who-adoptedGREEN-HRM-General-Electrics-Uses-six-sigma/ (дата обращения: 20.11.2021).

8. *Jyoti K.* Green HRM-People Management Commitment to Environmental Sustainability // Paper Presented at the Proceedings of 10th International Conference on Digital Strategies for Organizational Success. – 2019.

9. *Kim Y.J., Kim W.G., Choi H.-M., Phetvaroon K.* The effect of green human resource management on hotel employees' eco-friendly behavior and environmental performance // International Journal of Hospitality Management. – 2019. – Vol. 76. – P. 83–93.

10. *Kukushkina O.Y., Yureva O.V., Yurkov D.V.* Public authorities and management effectiveness estimation in the RF regional level // Laplage em Revista. – 2021. – Vol. 7. – Is. 3. – P. 210–217.

11. *Mampra M.* Green HRM: Does it help to build a competitive service sector? // A study In Proceedings of tenth AIMS International Conference on Management. – 2013. – P. 1273–1281.

12. *Marhatta S., Adhikari S.* Green HRM and sustainability // International E-Journal of Ongoing Research in Management & IT. – 2013. – URL: www.asmgroupp.edu.in/incon/publication/incon13-hr-006pdf/ (дата обращения: 20.11.2021).

13. *Opatha H.H., Arulrajah A.A.* Green Human Resource Management: Simplified general reflections // International Business Research. – 2014. – Vol. 7. – P. 101–112.

14. *Ruchismita P., Shitij R., Pallavi S., Vivek Y.* Green HR: Analysis of sustainable practices incorporated by IT firms in India // SIMS Journal of Management Research. – 2015. – Vol. 1. – P. 12–17.

15. *Majeed S., Khan A.* Green Human Resource Management Practices: A Review of Literature // International Journal of Management, Technology and Engineering. – 2019. – Vol. 9. – Is. 1. – P. 1834–1841.

16. *Ahmad S., Nisar T.* Green Human Resource Management: Policies and practices // Cogent Business & Management. – 2015. – Vol. 2. – Is. 1. – URL: https://www.researchgate.net/publication/334317586_Sustainable_development_The_role_of_green_HRM (дата обращения: 20.11.2021).

17. *Shinkevich A.I., Yakunina R.P., Klimenko T.I.* Index approach implementation mechanism to the human capital assessing within the framework of the sustainable development concept // E3S Web of Conferences. – 2021. – Vol. 274. – P. 10027.

Информация об авторах

Кукушкина Ольга Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: kukushkina.oy@gmail.com

Якунина Регина Петровна, соискатель кафедры логистики и управления, Казанский национальный исследовательский технологический университет.

E-mail: ya.rp@list.ru

O.YU. KUKUSHKINA,
PhD in Sociology, Associate Professor,
Kazan (Volga region) Federal University

R.P. YAKUNINA,
Applicant of Logistics and Management Department,
Kazan National Research Technological University

GREEN HUMAN RESOURCES MANAGEMENT – A NEW GLOBAL CONCEPT OF HUMAN RESOURCES MANAGEMENT

Abstract. Effective management of any modern organization is not possible without a well-structured personnel management system. This article discusses a new approach in the human resources management of organizations – Green human resources management. Sustainable development plays one of the most important roles in ensuring the competitive advantages of modern companies and raises the question of how to implement and apply environmental practices in the organization's personnel management system. Therefore, the purpose of this article is to analyze such approach as Green human resources management (GHRM) – “green” human resource management of organizations, as well as an analysis of its use in the activities of various companies.

Many works of foreign researchers are devoted to the development of environmental management of human resources. This article examines the basic theories of Green human resources management, presents an analysis of the literature on the practices of “green” human resources management. The world practices of using Green human resources management in leading international companies are considered, the experience of countries applying this approach is analyzed. The conclusions of the article substantiate the reasons for the introduction of “green” human resource management in the practice and policy of Russian companies.

Keywords: Green human resources management, “green human resources management”, “green” personnel management, sustainable development, human resources management.

References

1. *Arzamasova G.S., Cherepanov A.A.* The contribution of environmental human resource management to the development of an environmental management system: the experience of a Russian enterprise // Scientific journal NRU ITMO. – Series: Economics and Environmental Management. – 2020. – No. 3. – P. 114–122.
2. *Arzamasova G.S., Esaulova I.A.* Green human resource management – concept of managing the human resources of ecologically responsible business // Bulletin NGUEU. – 2020. – No. 2. – P. 42–53.
3. *Arulrajah A.A. et al.* Green Human Resource Management Practices: A Review // Sri Lankan Journal of Human Resource Management. – 2015. – Vol. 5. – Is. 1. – P. 1–16.
4. *Anuradha A., Srivastava A.K.* The Study of Green Human Resource Management and its effect on employees’ health in Automobile Industry // International Conference on Advances in Business Management and Law (ICABML). – 2019. – Vol. 2. – P. 149–158.
5. *Swaty Dr., Madan S.* GREEN HRM: A Requirement for 21st Century // International Journal of Engineering and Management Research. – 2016. – Vol. 6. – Is. 4. – P. 239–243.
6. Green Human Resources Management Definition & Meaning // You Matter. – URL: [https://youmatter.world/en/definition/green-human-resources-management-meaning-definition/#:~:text=Green%20Human%20Resources%20Management%20\(GHRM,efficient%2C%20and%20socially%20responsible%20organization/](https://youmatter.world/en/definition/green-human-resources-management-meaning-definition/#:~:text=Green%20Human%20Resources%20Management%20(GHRM,efficient%2C%20and%20socially%20responsible%20organization/) (date accessed: 20.11.2021).
7. Examples of Companies who adopted GREEN HRM General Electric’s Uses Six Sigma: Course Hero. – URL: <https://www.coursehero.com/file/p31skc5/Examples-of-Companies-who-adoptedGREEN-HRM-General-Electrics-Uses-six-sigma/> (date accessed: 20.11.2021).
8. *Jyoti K.* Green HRM-People Management Commitment to Environmental Sustainability // Paper Presented at the Proceedings of 10th International Conference on Digital Strategies for Organizational Success. – 2019.
9. *Kim Y.J., Kim W.G., Choi H.-M., Phetvaroon K.* The effect of green human resource management on hotel employees’ eco-friendly behavior and environmental performance // International Journal of Hospitality Management. – 2019. – Vol. 76. – P. 83–93.
10. *Kukushkina O.Y., Yureva O.V., Yurkov D.V.* Public authorities and management effectiveness estimation in the RF regional level // Laplace em Revista. – 2021. – Vol. 7. – Is. 3. – P. 210–217.
11. *Mampra M.* Green HRM: Does it help to build a competitive service sector? // A study In Proceedings of tenth AIMS International Conference on Management. – 2013. – P. 1273–1281.
12. *Marhatta S., Adhikari S.* Green HRM and sustainability // International E-Journal of Ongoing Research in Management & IT. – 2013. – URL: www.asmggroup.edu.in/incon/publication/incon13-hr-006pdf/ (date accessed: 20.11.2021).
13. *Opatha H.H., Arulrajah A.A.* Green Human Resource Management: Simplified general reflections // International Business Research. – 2014. – Vol. 7. – P. 101–112.
14. *Ruchismita P., Shitij R., Pallavi S., Vivek Y.* Green HR: Analysis of sustainable practices incorporated by IT firms in India // SIMS Journal of Management Research. – 2015. – Vol. 1. – P. 12–17.
15. *Majeed S., Khan A.* Green Human Resource Management Practices: A Review of Literature // International Journal of Management, Technology and Engineering. – 2019. – Vol. 9. – Is. 1. – P. 1834–1841.
16. *Ahmad S., Nisar T.* Green Human Resource Management: Policies and practices // Cogent Business & Management. – 2015. – Vol. 2. – Is. 1. – URL: https://www.researchgate.net/publication/334317586_Sustainable_development_The_role_of_green_HRM (date accessed: 20.11.2021).
17. *Shinkevich A.I., Yakunina R.P., Klimenko T.I.* Index approach implementation mechanism to the human capital assessing within the framework of the sustainable development concept // E3S Web of Conferences. – 2021. – Vol. 274. – P. 10027.

УДК 338.46

Г.Ф. ВАЛЕЕВА,
ассистент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ И ОЦЕНКА ИХ РЕЗУЛЬТИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Пандемия коронавирусной инфекции еще раз подчеркнула важность и приоритетность развития социальной сферы, в особенности эффективного функционирования системы здравоохранения. Здоровье человека – это высшая ценность, именно его профилактика, укрепление и восстановление после болезни – результирующий показатель оказания медицинских услуг. Здоровье населения (общественное здоровье) – показатель, расчет которого необходим для анализа и корректного прогнозирования вектора развития системы здравоохранения, однако на практике его оценка бывает не всегда возможна. В статье проведен анализ методик оценки здоровья. По его итогам сделан вывод, согласно которому для оценки результирующего воздействия оказания медицинских услуг (их качества и доступности) наиболее приемлемым методом является интегрированная оценка здоровья населения, рассчитываемая при помощи систематизации статистического анализа здравоохранения и демографии, а также социологических опросов населения. Таким образом, акцент при оценке здоровья населения должен быть смещен на качественный аспект, поэтому существующие сегодня количественные методики оценки должны быть дополнены субъективными, позволяющими оценить такие факторы, как самообслуживание, мобильность индивида, его повседневную деятельность, боль (дискомфорт), беспокойство (депрессия) и др.

Ключевые слова: медицинские услуги, здоровье, общественное здоровье, здравоохранение, оценка здоровья.

На сегодняшний день медицинские услуги являются делимым общественным благом. Цель их предоставления – улучшение здоровья населения. Соответственно, здоровье населения является результирующим фактором оказания медицинских услуг. Именно здоровье позволяет оценить их качество и доступность.

Медицинские услуги оказывают существенное влияние на жизнь населения путем его оздоровления, повышения работоспособности, укрепления психологической устойчивости. Здоровье человека является ценностью, влияющей на его жизнедеятельность. Все это актуализирует потребность в адекватной оценке здоровья.

Существование одновременно двух органически взаимосвязанных и относительно самостоятельных уровней здоровья (индивидуального и общественного) предопределяет необходимость оценивать каждое из них в отдельности для наиболее качественного анализа.

Индикаторы, характеризующие индивидуальное здоровье, не являются объективным основанием для принятия программ развития здравоохранения и иных управленческих доку-

ментов, цель которых – улучшение показателей здоровья населения. Для достижения национально значимых целей развития, при реализации которых необходимо учитывать качество здоровья всего населения, анализируются и прогнозируются индикаторы оценки общественного здоровья, которые складываются из показателей индивидуального здоровья [8].

Контент-анализ методов оценки здоровья дает возможность выделить пять базовых групп методик [9].

Первая группа оценивает здоровье сквозь призму анализа статистических данных. Данный количественный анализ позволяет получить обобщенную информацию о здоровье/нездоровье населения (на основе систематизации) или же о конкретных его характеристиках [4]. Стоит отметить, что неравенство в уровне продолжительности жизни отражает неравенство в состоянии здоровья, что фиксируется в международных рейтингах эффективности систем здравоохранения [12].

Частое применение данного метода обуславливается наличием статистической информации, что является его преимуществом. Ста-

статистическая информация позволяет охватить проблемные аспекты и проводить анализ: сравнивать, выявлять закономерности, прогнозировать и т. д.

Наиболее часто встречающиеся статистические показатели в данной методике – это показатели заболеваемости и смертности.

Показатели заболеваемости необъективны, так как:

– не учитывается латентная заболеваемость
– не все в силу различных обстоятельств обращаются за медицинской помощью;

– учитывается лишь количественная характеристика заболеваемости, что порой приводит к тому, что результаты не отражают действительность.

По сравнению с показателями заболеваемости показатели смертности обладают большей достоверностью, однако при этом необходимо сопоставлять их причины.

Вторая группа методов оценки состоит из медицинских и диагностических методов. Наиболее яркий пример – метод выделения групп здоровья населения, разработанный в 1970–1980-е гг. В.А. Лищуком. Критериями для их выделения являлись показатели частоты заболеваний острыми респираторными вирусными инфекциями, степень тяжести хронических заболеваний, наличие травм. Однако более рациональным подходом является комбинация перечисленных групп с субъективной оценкой здоровья индивида, что возможно систематизировать с помощью результатов опроса населения.

Именно субъективная оценка здоровья и систематизация его социальных показателей составляют третью группу методов оценки здоровья.

Потребность в социологических показателях здоровья вызвана актуальностью расчета продолжительности здоровой жизни населения. Оценка социальных показателей проводится методом соотнесения различных показателей: негативных (заболеваемость, травматизм, смертность) и положительных (приверженность здоровому образу жизни, количество психически здорового населения).

Практический пример реализации данной группы методов оценки – методика А.Е. Ива-

новой. В качестве главного показателя в данной методике выступает индикатор здоровья – функциональная способность человека решать имеющиеся сложные жизненные проблемы [3].

В 1990-х гг. началось формирование понятия «качество здоровья», что впоследствии потребовало разработки методик по его оценке.

Английский ученый А. Williams стал одним из первых исследователей, кто в 1990-х гг. предпринял попытку оценить непосредственно «качество здоровья» [14]. В качестве показателей нового для того времени понятия он выделил самообслуживание, мобильность индивида, его повседневную деятельность, боль (дискомфорт), беспокойство (депрессию). Методология оценки А. Williams состоит в построении измеряющей качество здоровья шкалы, которая получила название «индивидуальный термометр здоровья» [16]. В отличие от предыдущих групп методик данная методика оценивает собственно здоровье, а не его отсутствие либо лишь медицинский его аспект. Автор полагает, что наличие качественных показателей здоровья – это обязательный фактор, без которого невозможен полноценный анализ состояния общественного здоровья.

Отсутствие в рассмотренных методиках полноценных субъективных характеристик здоровья предопределило появление такого элемента четвертого метода, как самооценка собственного здоровья. Данный элемент является одним из рекомендованных ВОЗ как для проведения мониторинга общественного здоровья внутри отдельных государств, так и для межстрановых исследований.

Таким образом, четвертую группу составляют методы, которые интегрируют субъективную оценку собственного здоровья с его объективными характеристиками.

На практике данный метод был применен учеными Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (проект «Таганрог», 1981 г.). Индекс здоровья рассчитывался по принципу объединения субъективных и объективных оценок «от частного к общему» [7].

Субъективная оценка индивидом своего здоровья производилась по шкале от 1 до 5 по восприятию его уровня самим респондентом.

Объективная оценка здоровья – это оценка медицинскими работниками на основе медицинских осмотров выбранных респондентов и их медицинских карт. На основе соотношения и систематизации данных оценок выводилась интегральная оценка здоровья [2].

Преимуществом подобных систем является экономия времени, недостатком – необходимость в повсеместном наличии компьютерной техники и специалистов-медиков, способных работать на ней. Если учесть, что участие в данном исследовании не является для респондентов принудительным и, как правило, в нем участвуют лишь те, кто обратился в медицинское учреждение, то, соответственно, категории населения, не обращавшиеся за медицинской помощью, остаются вне рамок исследования, что может исказить объективную оценку уровня общественного здоровья.

Тот факт, что помимо количественных исследований необходима и качественная оценка здоровья, отмечают и зарубежные исследователи [15].

Пятая, наиболее сложная в подсчетах, группа состоит из методов экономического и математического анализа, выявляющих корреляцию общественного здоровья и эффективность медицинского вмешательства. Потребность в данном методе заключается в важности и необходимости расчета причинно-следственной взаимосвязи в количественном выражении.

Влияние здоровья населения на социально-экономическое развитие страны доказано научным сообществом: на межстрановом уровне – это периодические расчеты и анализы экспертов ВОЗ [13].

В эту же группу методов оценки здоровья входят и связанные с его утратой расчеты экономического ущерба [11].

Отечественными учеными (Ю.П. Лисицыным, Б.Б. Прохоровым, Д.И. Шмаковым) проведены исследования, зафиксировавшие экономический урон от заболеваемости, инвалидности и смертности как на текущий год, так и с учетом потерянных лет предстоящей жизни [5].

Существует ряд отдельных показателей, которые рассчитываются на межстрановом уровне, наиболее объективные и широко применяемые – это QALY – Quality-adjusted life

years – количество продленных лет жизни с учетом ее качества, и DALY – Disability-adjusted life years – расчет потерь вследствие болезни [9].

Таким образом, для оценки результирующего воздействия оказания медицинских услуг (их качества и доступности) наиболее приемлемым методом является интегрированная оценка здоровья населения, рассчитанная при систематизации статистического анализа показателей здравоохранения и демографии (государственные расходы на здравоохранение, ожидаемая продолжительность жизни, рождаемость, младенческая смертность, смертность в трудоспособном возрасте, заболеваемость, инвалидность и др.) и социологических опросов населения (самооценка индивидом своего здоровья, удовлетворенность качеством и доступностью медицинских услуг, гигиеническая грамотность населения и др.).

Если говорить о методике проведения оценки, то необходимо отметить, что принципиально важным и, как правило, проблематичным этапом является выбор и обоснование показателей для анализа. S. Albert-Ballestar, A. García-Altés, например, для оценки определили 691 показатель, сгруппированный по 120 темам, наиболее важные и чаще встречающиеся из них – это «ожидаемая продолжительность жизни», «младенческая смертность», «ожирение и избыточный вес», «вредные привычки», «самооценка здоровья», «психическое благополучие», «гипертония» [10]. В Российской Федерации важным является учет региональной дифференциации в вопросах здоровья и здравоохранения [1].

По мнению автора, отсутствие методики оценки самой категории «здоровье» является одной из ключевых причин недостатков, имеющихся в системе здравоохранения. Осознание того, что конечной целью всех реформ в системе здравоохранения, в том числе связанных с повышением качества медицинских услуг, является улучшение качественных показателей здоровья, таких, как мобильность, детская смертность, трудовая и общественная активность, отсутствие депрессивных состояний вследствие стресса, желание и возможность творческого роста и интеллектуального

развития, а также сочетание всего этого с централизованным управлением и оптимальным расходованием финансовых средств может говорить об эффективности мер, способствующих укреплению общественного здоровья как ключевого показателя функционирования системы здравоохранения в целом, так и результата оказания медицинских услуг в частности.

Литература

1. *Валеева Г.Ф., Шернатовский Ю.В.* Сравнительный анализ показателей сферы здравоохранения регионов Приволжского федерального округа // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2020. – № 12 (122). – С. 32–45.
2. *Дартау Л.А.* Система экспертного диалога для изучения социально-экономических факторов в процессе мониторинга здоровья населения (система ЭДИФАР) // Социологические исследования в России. Специализирован. информ. – М., 1999.
3. *Иванова А.Е.* Социально-демографическая цена психического здоровья населения: автореф. дис. ... докт. экон. наук. – М., 1998.
4. *Молчанова Е.В.* Здоровье населения как базовое условие социально-экономического развития общества: автореф. дис. ... докт. экон. наук. – М., 2014. – URL: <http://elibrary.krc.karelia.ru/72/1/molchanova.pdf> (дата обращения: 07.11.2021).
5. *Лисицын Ю.П.* Концепция «человеческого капитала»: медико-экономический аспект // Экономика здравоохранения. – 1998. – № 2 (26). – С. 5–9.
6. *Лицук В.А., Мосткова Е.В.* Основы здоровья: актуальные задачи, решения, рекомендации: обзор. – М.: Российская академия медицинских наук, 1994. – 134 с.
7. *Римашевская Н.М.* Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог». – М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук, 2001. – 314 с.
8. *Римашевская Н.М.* Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении. – М.: Социальный проект, 2007. – 240 с.
9. *Шабунцова А.А.* Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, 2010. – 408 с. – URL: <http://library.vscs.ac.ru/Files/books/12997417301827V.PDF> (дата обращения: 21.11.2021).
10. *Albert-Ballestar S., García-Altés A.* Measuring health inequalities: a systematic review of widely used indicators and topics // International Journal for Equity in Health. – 2021. – Vol. 20. – Is. 1. – P. 73.
11. *Bloom D.E., Canning D., Graham B.* Longevity and life-cycle savings // Scandinavian Journal of Economics. – 2003. – Vol. 105. – P. 319–338.
12. *Razymovskaya E.M., Valeeva G.F.* Cross-country analysis of the effectiveness of health systems // Periódico do Núcleo de Estudos e Pesquisas sobre Gênero e Direito Centro de Ciências Jurídicas – Universidade Federal da Paraíba. – 2019. – Vol. 8. – No. 6.
13. *Putnam R.* Social capital. Measurement and consequences // Isuma: Canadian Journal of Policy Research. – 2001. – Vol. 2. – Is. 1. – P. 41–51.
14. *Szende A., Williams A.* Measuring self-reported population health: an international perspective based on EQ-5D // EuroQol Group Monographs. – Budapest: SpringMed Publishing, 2004. – Vol. 1. – 375 p.
15. *Vafaei A., Yu J., Phillips S.P.* The intersectional impact of sex and social factors on subjective health: analysis of the Canadian longitudinal study on aging (CLSA) // BMC Geriatrics. – 2021. – Vol. 21. – Is. 1. – P. 473.
16. *Williams A.* EuroQol – a new facility for the measurement of health-related quality of life // Health policy. – 1990. – Vol. 16. – P. 199–208.

Информация об авторах

Валеева Гульнара Фаридовна, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
E-mail: gfvaleeva@gmail.com

G.F. VALEEVA,

assistant,

Kazan (Volga region) Federal University

MEDICAL SERVICES AND ASSESSMENT OF THEIR RESULTS IMPACT

Abstract. The pandemic of coronavirus infection once again emphasized the importance and priority of the development of the social sphere, especially the effective functioning of the health system. Human health is the highest value, it is its prevention, strengthening and recovery after illness that is the resulting indicator of the provision of medical services. The health of the population –public health) is an indicator, the calculation of which is necessary for the analysis and correct prediction of the vector of development of the health system, but in practice its assessment is not always possible. The article analyzes the methods of health assessment. Based on its results, it was concluded that to assess the resulting impact of the provision of medical services (their quality and accessibility), the most acceptable method is an integrated assessment of the health of the population, calculated using the systematization of statistical analysis of health and demography, as well as sociological surveys of the population. Thus, the emphasis in assessing the health of the population should be shifted to the qualitative aspect, therefore, the quantitative assessment methods that exist today should be supplemented with subjective ones that allow assessing factors such as self-care, mobility of an individual, his daily activities, pain (discomfort), anxiety (depression) and many others.

Keywords: medical services, health, public health, health care, health assessment.

References

1. Valeeva G.F., Sherputovskiy Yu.V. Comparative analysis of indicators of the healthcare sector in the regions of the Volga Federal District // Regional problems of economic transformation. – 2020. – No. 12 (122). – P. 32–45.
2. Dartau L.A. System of expert dialogue for the study of socio-economic factors in the process of monitoring public health (EDIFAR system) // Sociological research in Russia. Specialized. inform. – M., 1999.
3. Ivanova A.E. Socio-demographic price of mental health of the population: abstract for the degree of Doctor of Economics. – M., 1998.
4. Molchanova E.V. Population health as a basic condition of socio-economic development of society: abstract for the degree of Doctor of Economics. – Moscow, 2014. – URL: <http://elibrary.krc.karelia.ru/72/1/molchanova.pdf> (date accessed: 07.11.2021).
5. Lisitsyn Yu.P. The concept of “human capital”: medical and economic aspect // Health economics. – 1998. – No. 2(26). – P. 5–9.
6. Lischuk V.A., Mostkova E.V. Fundamentals of health: actual tasks, solutions, recommendations: review. – M.: RAMS, 1994. – 134 p.
7. Rimashevskaya N.M. Woman, man, family in Russia: the last third of the twentieth century. The Taganrog project / edited by N.M. Rimashevskaya. – M.: ISEPN, 2001. – 314 p.
8. Rimashevskaya N.M. Health and healthcare in the gender dimension. – M.: Social project, 2007. – 240 p.
9. Shabunova A.A. Public health in Russia: state and dynamics: monograph. – Vologda: ISERT RAS, 2010. – 408 p. – URL: <http://library.vsc.ac.ru/Files/books/12997417301827V.PDF> (date accessed: 21.11.2021).
10. Albert-Ballestar S., García-Altés A. Measuring health inequalities: a systematic review of widely used indicators and topics // International Journal for Equity in Health. – 2021. – Vol. 20. – Is. 1. – P. 73.
11. Bloom D.E., Canning D., Graham B. Longevity and life-cycle savings // Scandinavian Journal of Economics. – 2003. – Vol. 105. – P. 319–338.
12. Razymovskaya E.M., Valeeva G.F. Cross-country analysis of the effectiveness of health systems // Periódico do Núcleo de Estudos e Pesquisas sobre Gênero e Direito Centro de Ciências Jurídicas – Universidade Federal da Paraíba. – 2019. – Vol. 8. – No. 6.
13. Putnam R. Social capital. Measurement and consequences // Isuma: Canadian Journal of Policy Research. – 2001. – Vol. 2. – Is. 1. – P. 41–51.
14. Szende A., Williams A. Measuring self-reported population health: an international perspective based on EQ-5D // EuroQol Group Monographs. – Budapest: SpringMed Publishing, 2004. – Vol. 1. – 375 p.
15. Vafaei A., Yu J., Phillips S.P. The intersectional impact of sex and social factors on subjective health: analysis of the Canadian longitudinal study on aging (CLSA) // BMC Geriatrics. – 2021. – Vol. 21. – Is. 1. – P. 473.
16. Williams A. EuroQol – a new facility for the measurement of health-related quality of life // Health policy. – 1990. – Vol. 16. – P. 199–208.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 338.49

Д.Л. КУРБАНГАЛИЕВА,

аспирант

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ОЦЕНКА НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ: ИНТЕРНЕТ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКИ МИРА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-310-90042.*

Аннотация. Трансформация современной экономики, вызванная развитием технологий, и смена фаворитов на фондовом рынке наглядно демонстрируют, что акценты в основных драйверах современного развития все больше смещаются в сторону нематериальных факторов, таких, как платформы, сообщество, экосистемы, информация, репутация. Все это в условиях цифровизации позволяет обеспечить дополнительные конкурентные преимущества как индивиду, так и компаниям за счет повышения узнаваемости и скорости построения новых связей и отношений.

В свою очередь, возникновение и развитие информационно-коммуникационных технологий связало между собой страны и континенты, поместив проживающих там людей в общее виртуальное пространство. В данной статье мы постараемся оценить влияние Интернета на экономику на макроуровне – на примере стран с развитой и развивающейся экономикой.

В результате исследования мы пришли к выводу, что влияние информационно-коммуникационных технологий на рост финансово-экономических показателей на макроуровне в странах с развивающейся экономикой более чем в два раза выше по сравнению с их влиянием на страны с развитой экономикой. На основании выводов, сделанных в данном исследовании, в дальнейшем мы сможем предпринять попытку интерпретировать полученные результаты на отраслевом уровне и микроуровне.

Ключевые слова: репутация, информационно-коммуникационные технологии, экономика, Интернет, конкурентоспособность, экономика стран, нематериальные ресурсы.

Как отмечают авторы соответствующих исследований, за последние двадцать лет произошла значительная встряска, охватившая многие внешние сектора экономики [10]. Интернет, по мнению ряда авторов, является катализатором изменений, поскольку обеспечивает доступ, воспроизведение и распространение информации с предельными издержками, близкими к нулю [3, 10]. В свою очередь, как уже было отмечено в предыдущих наших публикациях, растет роль нематериальных факторов в вопросах обеспечения эффективности деятельности [8, 9].

Л.Д. Рейман и Л.Е. Варакин подчеркивают, что Интернет влияет на эффективность работы и конкурентоспособность фирм и целых

отраслей через расширение информационных потоков, которые облегчают передачу знаний, а также улучшают организацию деятельности. Говоря о снижении издержек, авторы отмечают, что Интернет превратился в значимый рычаг наращивания производственного потенциала и повышения международной конкурентоспособности благодаря сокращению операционных издержек [2].

Продолжая мысль своих коллег, Т.П. Барановская, В.И. Лойко и др. пишут о том, что Интернет устраняет связанные с расстояниями барьеры, которые традиционно определяли место базирования поставщиков услуг и производителей товаров. В то же время сведения о выигрыше в производительности, связанном

с использованием Интернета, имеются все еще по небольшой группе развитых стран, прежде всего по Соединенным Штатам, и по некоторым странам с формирующейся рыночной экономикой, таким, как Сингапур и Республика Корея. Исследователи обращают внимание на то, что даже в этих странах споры о масштабах влияния Интернета на экономику продолжают. Дискуссия о воздействии Интернета на производительность и темпы экономического роста, особенно в Соединенных Штатах, имеет далеко идущие последствия для политики как в развитых, так и в развивающихся странах [1].

Таким образом, сам собой напрашивается вывод, что существует дискуссия о разнонаправленном влиянии Интернета на экономики стран, поэтому мы проведем собственное исследование влияния информационно-коммуникационных технологий на экономику на макроуровне. Для реализации данной задачи используем экономико-статистические методы анализа, статистические данные, публикуемые Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН [6], Международным валютным фондом [4], Международным союзом электросвязи [5], и аналитические публикации по цифровизации [7].

На первом этапе проанализируем соотношение между количеством жителей различных регионов мира, экономическим показателем, выраженным через ВВП на ППС, и уровнем внедрения Интернета в том или ином регионе к концу 2020 г. (рис. 1).

Согласно данным, представленным на рис. 1, наблюдаем непропорциональное соотношение между показателем мировой экономической активности (ВВП на ППС), населением (процент жителей в регионе от населения в мире) и уровнем внедрения Интернета (процент пользователей сети Интернет от населения в регионе). Итак, в северных и западных регионах Америки девять из десяти жителей имеют доступ к Интернету, в то время как примерно трое из четырех жителей Восточной Африки остаются без доступа к сети.

Интересным является наше наблюдение над распределением пользователей Интернета по регионам мира (рис. 2).

Согласно данным, представленным на рис. 2, более половины пользователей Интернета проживают в странах Азии. Эти данные находят свое подтверждение и в зарубежных исследованиях. В них говорится, что влияние

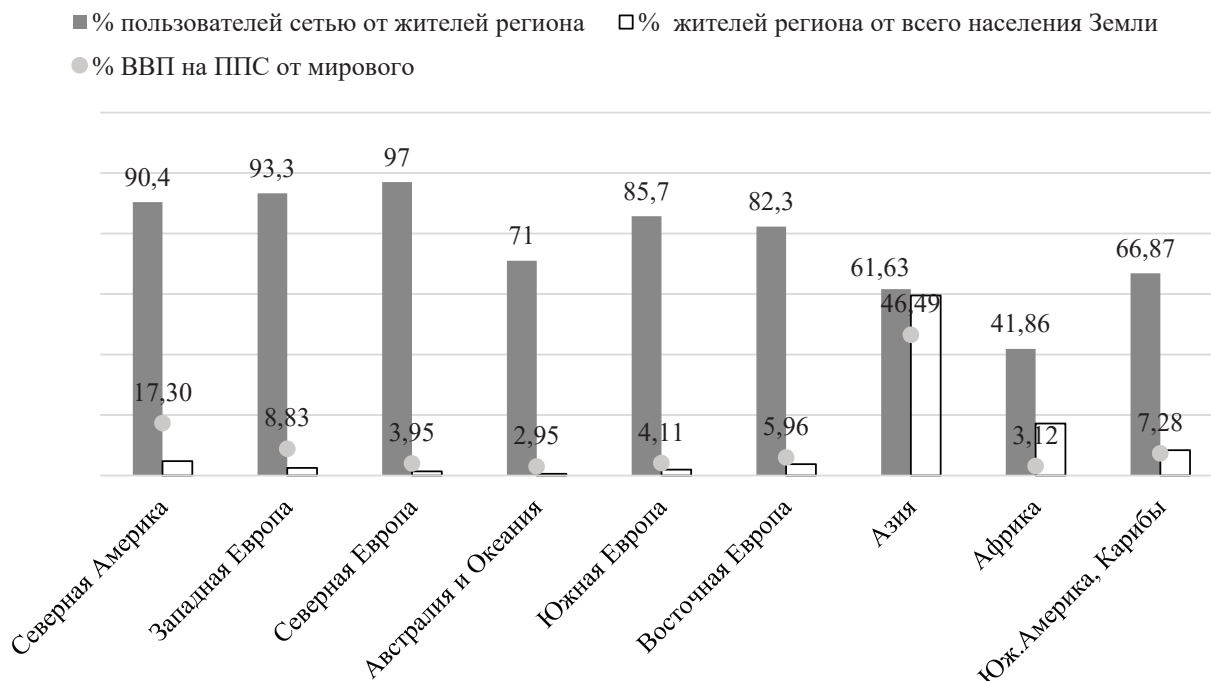

Рис. 1. Соотношение между процентом жителей в регионе, ВВП и уровнем внедрения Интернета в 2020 г. [4, 6, 7]

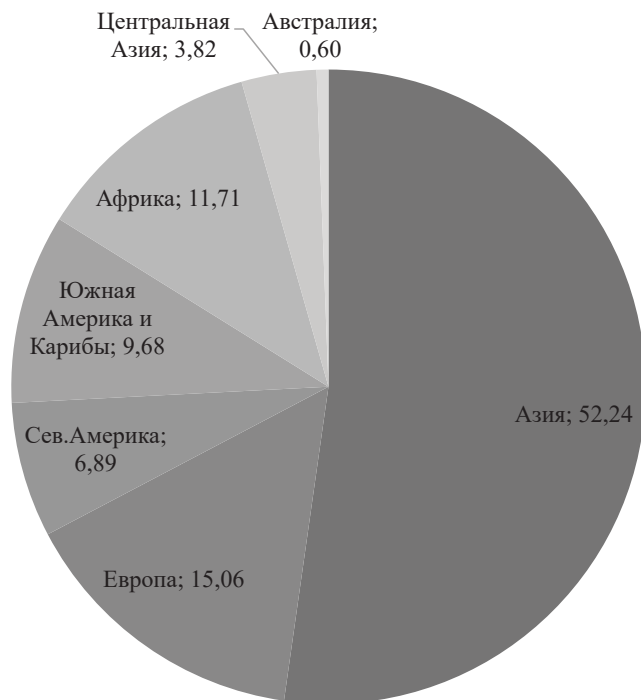

Рис. 2. Пользователи Интернета в мире в разрезе регионов (по состоянию на 2020 г.) [5]

на мировые тенденции в Интернете преимущественно оказываются пользователями сети в странах с менее развитой экономикой: например, на территории Соединенных Штатов проживают всего лишь 6,3 % пользователей Интернета, тогда как в Китае и Индии данный показатель составляет 21 % и 13% соответственно [11].

Изучив ситуацию в мире на предмет соотношения между количеством жителей и уровнем внедрения Интернета, мы выявили, что развитые страны имеют общее преимущество, а развивающиеся лидируют по влиянию на интернет-тренды. Исследуем влияние Интернета на экономику данных стран. Согласно данным Международного валютного фонда, на сегодняшний день к числу стран с развитой экономикой относятся 39 стран и регионов, включая страны Евросоюза, США, Японию, Сингапур и т. д. К странам с развивающейся экономикой относятся 159 стран, включая Россию, страны Южной Америки, страны СНГ и т. д. Агрегируем данные о пользователях Интернета с макроэкономическим показателем эффективности экономики страны – ВВП на ППС (рис. 3).

Отметим, что 2020 г. выпадает из анализа по объективным причинам – год признан кризисным ввиду внешних обстоятельств, что логично привело к снижению экономических показателей. Помимо этого, исследование было ограничено тем, что в отчете Международного союза электросвязи о пользователях Интернета приведены данные по состоянию на 2019 г. [5].

Согласно данным, представленным на рис. 2, число пользователей Интернета (на 100 жителей) в 2019 г. превышает аналогичный мировой показатель в 2001 г. в три раза. При этом, несмотря на тенденцию к росту числа пользователей Интернета в странах с развивающейся экономикой, у них наблюдается отставание от мирового показателя. Однако если за период 2001–2019 гг. в странах и регионах с развитой экономикой число пользователей Интернета выросло в три раза, то в развивающихся странах данный показатель увеличился в семнадцать раз, что подтверждает растущее влияние пользователей сети из стран с менее развитой экономикой.

Далее был проведен корреляционно-регрессионный анализ влияния показателя Интернета (в данном случае он выражен через показатель

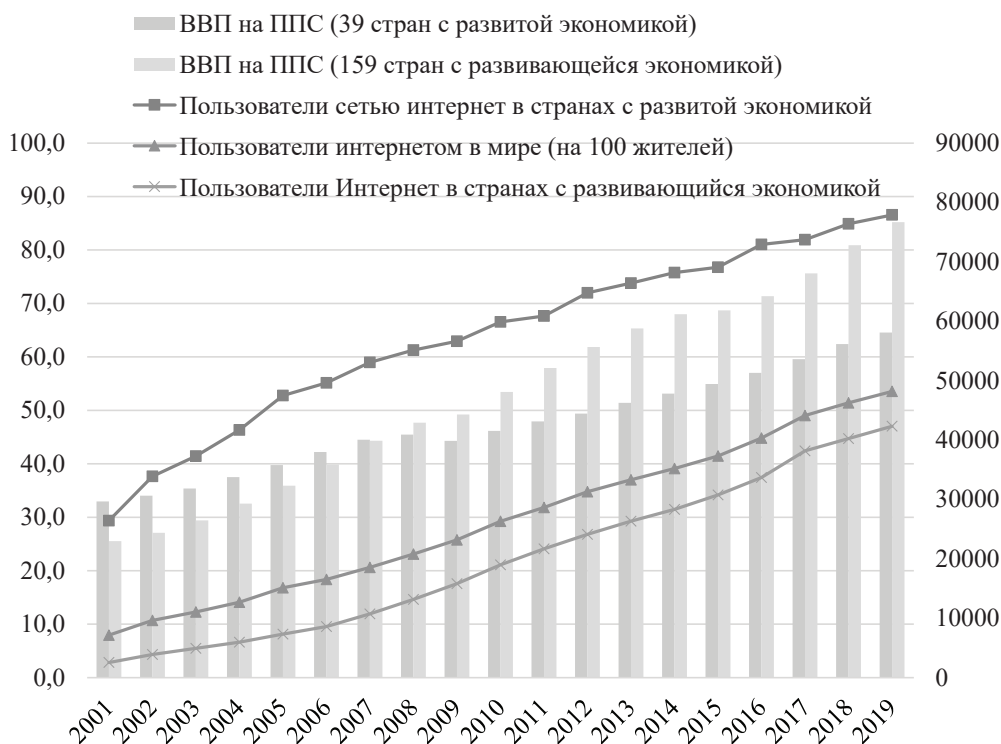

Рис. 3. Взаимосвязь между Интернетом и показателями стран с развитой и развивающейся экономиками (2001–2019 гг.)

пользователей сети на 100 жителей) на экономический показатель (ВВП на ППС) за период с 2001 по 2019 г. (рис. 4).

Представленные на рис. 4 поля корреляции и модели уравнения свидетельствуют о наличии устойчивой линейной взаимосвязи между исследуемыми факторами. Проверка гипотезы о значимости коэффициентов регрессии и корреляции и существенности линейного уравнения регрессии для каждой модели уравнения (для модели уравнения, где $t_a = 11057,28$, $t_x = 4965,56$, $t_{xy} = 17,083$, F-критерий ($291,84 > 4,5$); для модели уравнения, где $t_a = 22915,77$, $t_x = 1149,92$, $t_{xy} = 30,473$, при $t_{\text{критическое}} = 2,11$, F-критерий ($928,62 > 4,5$)) подтверждает их статистическую значимость.

В результате нашего исследования, представленного в данной статье, заключим, что:

- подтверждено влияние пользователей сети Интернет на результаты деятельности на макроуровне;

- общая вариабельность экономического показателя стран с развивающейся экономикой выше, чем у стран с развитой экономикой (98,2 % против 94,5 %);

- при увеличении числа пользователей (на 100 жителей) на одну условную единицу экономический показатель в странах с развивающейся экономикой вырастет более чем в два раза по сравнению с аналогичным показателем в развитых странах.

Действительно, как отмечает К. Шваб в своем отчете [7], посвященном вопросам глобальной конкурентоспособности, кризис, вызванный COVID-19, ускорил цифровизацию в странах с развитой экономикой и затруднил скорость внедрения цифровизации в регионах с развивающейся экономикой, которые и так отставали до кризиса.

Таким образом, исходя из результатов нашего исследования, мы предполагаем, что драйвером по улучшению мировой экономики на ближайшие два года является приоритетное обращение внимания на преодоление цифрового разрыва в развивающихся странах, а на перспективу 3–5 лет – создание инфраструктуры для возможности повсеместного доступа к Интернету во всем мире.

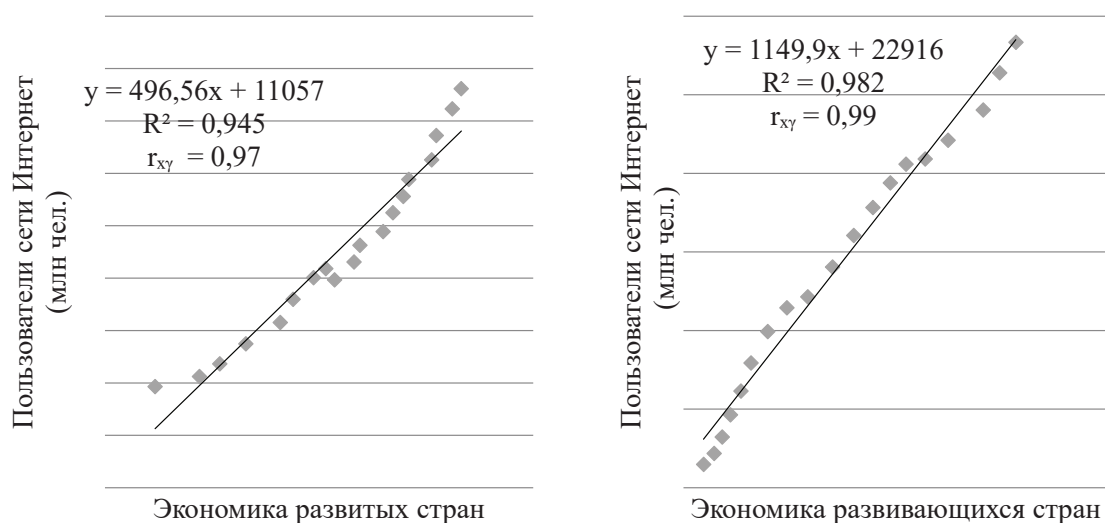

Рис. 4. Поле корреляции и коэффициенты модели уравнения линейной связи между Интернетом и экономикой (составлено автором)

Литература

1. Барановская Т.П., Лойко В.И., Семенов М.И., Трубилин А.И. Информационные системы и технологии в экономике: учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 416 с.
2. Перспективные телекоммуникационные технологии. Потенциальные возможности / под ред. Л.Д. Реймана, Л.Е. Варакина. – М.: Международная академия связи, 2001. – 255 с.
3. Сафиуллин М.Р., Запорожец О.Н., Бычкова О.В., Фазлыев А.А., Савеличев М.В., Ельшин Л.А., Ермолаева П.О., Мингазова Ю.Г., Прыгунова М.И., Демкина Е.П., Иштирякова Л.Х., Шакирова А.Ф. Анализ рынка городского передвижения и влияния «Убер» на развитие рынка в России, с фокусом на следующих городах: Москва, Санкт-Петербург, Казань, Новосибирск и Екатеринбург // Электронный экономический вестник Татарстана. – 2017. – № 2 – С. 4–63.
4. Официальный сайт Международного валютного фонда. – URL: <https://www.imf.org/ru/Home> (дата обращения: 20.10.2021). (дата обращения: 16.11.2021).
5. Официальный сайт страница Международного союза электросвязи. – URL: <https://www.itu.int/ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 16.11.2021).
6. Официальный сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/development/desa/ru/> (дата обращения: 20.10.2021).
7. Официальный сайт аналитического издания “We Are Social”. – URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020/> (дата обращения: 18.10.2021).
8. Schwab K., Zahidi S. How Countries are Performing on the Road to Recovery // The Global Competitiveness Report (Special Edition 2020). – World Economic Forum, 2020. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2020.pdf (дата обращения: 20.10.2021).
9. Kamalova A.A., Kurbangalieva D.L. Economic assessment of the dependence of an organization's competitiveness on reputation capital // International Review. – 2020. – Is. 3-4. – P. 73–79.
10. Kurbangalieva D.L. How does reputation economy engagement work to develop financial and economic activity? // Опцион. – 2019. – Vol. 35. – Spec. Is. 23. – P. 376–392.
11. McAfee A., Brynjolfsson E. Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future. – Aspen: The Aspen Institute, 2017. – 320 p.
12. We Are Social and Hootsuite. – URL: <https://wearesocial-net.s3-eu-west-1.amazonaws.com/wp-content/uploads/common/reports/digital-2021/digital-2021-uk.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).

Информация об авторах

Курбангалиева Динара Ленаровна, аспирант, Институт управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: dhasanova@list.ru

D.L. KURBANGALIEVA,
Graduate student,
Kazan (Volga region) Federal University

VALUE OF INTANGIBLE FACTORS: THE INTERNET AND ITS IMPACT ON THE WORLD'S ECONOMIES

The reported study was funded by RFBR, project number 20-310-90042

Abstract. Transformation of the economy, caused by the development of technologies, and changes in favorites in the stock market clearly demonstrate that accents in the main drivers of modern development are increasingly shifting towards nonmaterial factors such as platforms, community (subscribers), ecosystems, information, reputation. In the age of digitalization, all these factors enable to provide additional competitive advantages as for the individual and the companies as well by increasing the recognition and speed of building new connections and relationships.

Meanwhile, the emergence and development of information and communication technologies connected countries and continents, placing people living there in a common virtual space. In this article, we will try to assess the impact of the Internet on the economy at the macro level, namely, using the example of countries with developed and developing economies. As a result of the study, we came to the conclusion that the impact on the growth of financial and economic indicators at the macro level in emerging economies of information and communication technologies is more than twice as high as compared to the impact on developed economies. Based on the conclusions in this study, in the future we will be able to make an attempt to interpret the results obtained at the sectoral and micro levels.

Keywords: reputation, information and communication technologies, economy, Internet, competitiveness, economies of countries, intangible resources

References

1. *Baranovskaya T.P., Loiko V.I., Semenov M.I., Trubilin A.I.* Information systems and technologies in economics: textbook for universities / 2nd ed., revised. and add. – Moscow: Finance and Statistics, 2003.
2. *Reiman L.D., Varakina L.E.* Advanced telecommunication technologies. Potential opportunities. – М.: МАС, 2001.
3. *Safiullin M.R., Zaporozhets O.N., Bychkova O.V., Fazlyev A.A., Savelichev M.V., Elshin L.A., Ermolaeva P.O., Mingazova Yu.G., Prygunova M.I., Demkina E.P., Ishitryakova L.Kh., Shakirova A.F.* Analysis of the urban movement market and the influence of Uber on the development of the market in Russia, with a focus on the following cities: Moscow, St. Petersburg, Kazan, Novosibirsk and Yekaterinburg // *Electronic Economic Bulletin of Tatarstan.* – 2017. – No. 2. – P. 4–63.
4. The official page of the International Monetary Fund. – URL: <https://www.imf.org/ru/Home> (date accessed: 20.10.2021).
5. The official page of the International Telecommunication Union. – URL: <https://www.itu.int/ru/Pages/default.aspx> (date accessed: 16.11.2021).
6. The official UN page. – URL: <https://www.un.org/development/desa/ru/> (date accessed: 20.10.2021).
7. The official page of the analytical publication. – URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020/> (date accessed: 18.10.2021).
8. Schwab K., Zahidi S. The Global Competitiveness Report. Special Edition. – 2020. How Countries are Performing on the Road to Recovery World Economic Forum // *WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2020.pdf* (weforum.org).

9. Kamalova A.A., Kurbangalieva D.L. Economic assessment of the dependence of an organization's competitiveness on reputation capital // *International Review* // Issue 3-4. – P. 73–79. – 2020.
10. Kurbangalieva D.L. How does reputation economy engagement work to develop financial and economic activity? // *Opcion*. – 2019. – Vol. 35. – No. special issue 23. – P. 376–392.
11. McAfee A., Brynjolfsson E. *Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future* Kindle. – 2017. – P. 320.
12. We are Social and Hootsuite digital-2021-global.pdf (wearesocial-net.s3-eu-west-1.amazonaws.com).

УДК 338.242.2

А.И. ГУРЬЯНОВ,

студент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Э.А. ГУРЬЯНОВА,

кандидат экономических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

РОССИЙСКИЙ РЫНОК SAAS: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. SaaS является наиболее распространенной в России облачной моделью обслуживания. Растущая популярность SaaS вызвана тем, что данная технология имеет более высокую гибкость, масштабируемость, требует меньших инвестиционных затрат, а также затрат на обслуживание оборудования и на поддержание информационной безопасности, чем локальное программное обеспечение. Тем не менее уровень проникновения бизнес-SaaS на данный момент остается не очень высоким. В статье проведен анализ и выявлены тенденции и перспективы российского рынка SaaS в целом и российского рынка бизнес-SaaS в частности. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что объем рынка как SaaS в целом, так и бизнес-SaaS стабильно растет. При этом рост объема рынка имеет тенденцию к замедлению. Эта тенденция была остановлена в 2020 г. Объем рынка бизнес-SaaS растет быстрее, чем объем рынка SaaS. Из-за этого доля бизнес-SaaS в SaaS имеет стабильную тенденцию к росту. Пандемия COVID-19 привела к значительному росту востребованности облачных технологий, в том числе SaaS. Это было вызвано необходимостью перевода персонала на удаленную работу, а также ростом спроса на онлайн-сервисы. Благодаря приобретению как организациями, так и частными пользователями опыта использования облачных технологий и онлайн-сервисов в период пандемии, рынок SaaS приобрел предпосылки к ускорению развития в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: информационные технологии, облачные технологии, рынок SaaS, бизнес-SaaS, облачные модели обслуживания.

Роль информационных технологий в бизнесе в современный период неоспорима. При этом для информационных технологий необходима инфраструктура, а также персонал для ее обслуживания, что требует значительных затрат. Кроме того, нагрузка на инфраструктуру обычно бывает неравномерной, и значительную часть времени она используется не в полном объеме. Облачные технологии лишены таких недостатков, что позволяет сократить затраты на информационные технологии.

Облачные технологии имеют большое число преимуществ, таких, например, как высокая масштабируемость, гибкость, оплата по мере использования, низкая стоимость развертывания, возможность совместного использования ресурсов, легкость конфигурирования, снижение затрат на инфраструктуру и персонал [1]. Благодаря этому в настоящее время облачные технологии являются быстро развивающейся и востребованной отраслью [2].

В рамках облачных технологий существует три основных модели обслуживания: IaaS (Infrastructure as a Service – инфраструктура как услуга), PaaS (Platform as a Service – платформа как услуга) и SaaS (Software as a Service – программное обеспечение как услуга) [3]. Из них в России наиболее распространенной является SaaS. На данный момент SaaS составляет 63 % от объема рынка публичных облачных технологий в России [4].

Проведем анализ российского рынка SaaS в целом и российского рынка бизнес-SaaS в частности. Для анализа воспользуемся результатами исследований, проведенных TMT Консалтинг [4, 5, 6, 7] и J'son & Partners Consulting [8, 9, 10, 11].

SaaS (Software as a Service – программное обеспечение как услуга) – облачная модель обслуживания, в соответствии с которой облачный провайдер предоставляет пользователю готовое программное обеспечение,

полностью обслуживаемое облачным провайдером [12].

В то же время объем рынка бизнес-SaaS существенно уступает объему рынка IaaS + PaaS (рис. 1). При этом IaaS и PaaS по своей специфике используются практически исключительно организациями, а не частными пользователями. Таким образом, в бизнесе IaaS + PaaS на данный момент используются больше, чем бизнес-SaaS.

Провайдеры SaaS нередко используют IaaS + PaaS для создания и размещения приложений [13]. Поэтому рост объема рынка SaaS также приводит к росту объема использования IaaS + PaaS.

Уровень проникновения бизнес-SaaS на данный момент составляет менее 10 %, и это

при том, что уровень проникновения локального бизнес-ПО находился на уровне 21 % еще в 2015 г. [11]. Низкий, но стабильно растущий уровень проникновения SaaS согласуется с тем фактом, что уровень внедрения информационных систем в отечественных организациях отстает от общемирового уровня, хотя в данном вопросе и отмечается положительная динамика [14].

Объем рынка как SaaS в целом, так и бизнес-SaaS стабильно растет. Причем объем рынка бизнес-SaaS растет быстрее, чем объем рынка SaaS (рис. 2). Из-за этого доля бизнес-SaaS в SaaS имеет тенденцию к росту.

До 2020 г. темпы роста объема рынка как SaaS в целом, так и бизнес-SaaS стабильно замедлялись. Замедлялись и темпы роста доли

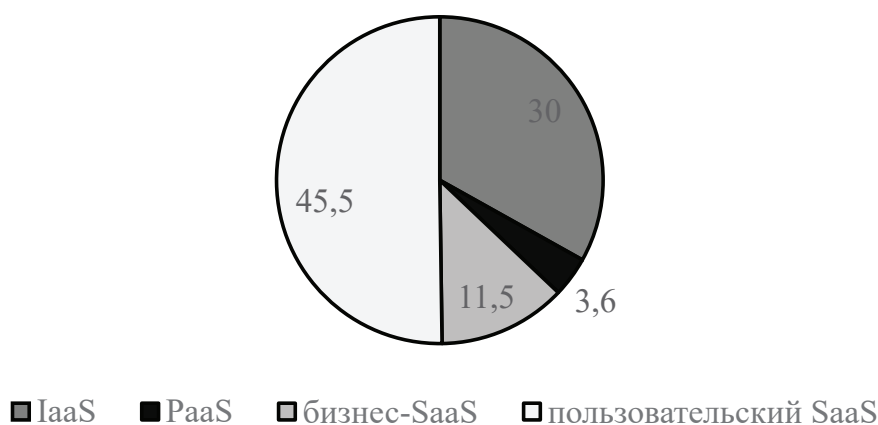

Рис. 1. Структура российского рынка публичных облачных услуг в 2020 г., млрд руб.

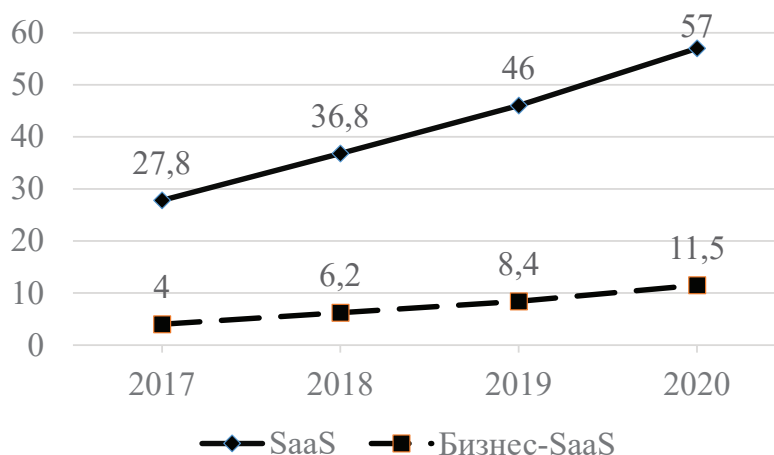

Рис. 2. Динамика российского рынка SaaS, млрд руб.

бизнес-SaaS. В 2020 г. замедление темпов роста объема рынка как SaaS в целом, так и бизнес-SaaS практически остановилось, и темпы роста остались практически такими же, как в 2019 г. В то же время скорость роста доли бизнес-SaaS заметно выросла.

Таким образом, пандемия COVID-19 привела к значительному росту востребованности SaaS. Особенно сильным рост востребованности стал в бизнесе. Это было связано с необходимостью перевода персонала на удаленную работу, а также ростом спроса на онлайн-сервисы, что привело к необходимости создания новых и расширения старых онлайн-сервисов.

Рост востребованности SaaS в связи с пандемией COVID-19, в частности, достаточно ярко проявился в сфере торговли. До 2020 г. темпы роста объема использования SaaS в данной отрасли имели выраженную тенденцию к замедлению. Однако в 2020 г. эта тенденция была переломлена, и темп роста объема рынка заметно увеличился. Это связано с тем, что пандемия привела к резкому падению объема торговли в традиционном формате и к резкому росту востребованности онлайн-торговли. С необходимостью как можно более быстрого выхода на рынок онлайн-торговли столкнулись, в том числе, и организации, ранее интернет-торговлей не занимавшиеся. В то же время резко возросла нагрузка на уже существующие сервисы онлайн-торговли. Все это привело к необходимости быстрого расширения старых и создания новых сервисов.

При этом, несмотря на последствия пандемии, тенденция снижения темпов роста рынка SaaS полностью преодолена не была. Это, в том числе, связано с тем, что рост использования облачных технологий в связи с локдауном был частично компенсирован экономическим ущербом, нанесенным пандемией.

Это достаточно ярко проявилось в динамике рынка бизнес-SaaS в сфере услуг. Сфера услуг является одним из лидеров по объему использования бизнес-SaaS, на сферу услуг приходится 29 % всего объема использования бизнес-SaaS в России. При этом сфера услуг – одна из наиболее сильно пострадавших в результате пандемии отраслей, так как большое количество услуг стало оказывать значитель-

но сложнее или невозможно вовсе. Из-за этого темпы роста использования бизнес-SaaS в сфере услуг в 2020 г. снизились, что в силу значительного вклада сферы услуг в объем рынка бизнес-SaaS оказало значительное влияние на динамику всего рынка бизнес-SaaS.

В то же время пандемия оказала долгосрочный положительный эффект на рынок облачных технологий в целом и рынок SaaS в частности. Этот эффект заключается в приобретении опыта использования облачных технологий и онлайн-сервисов, в том числе SaaS, как организациями, так и частными пользователями, в том числе теми, кто до этого их не использовал или использовал мало.

Приобретенный пользователями опыт активного использования онлайн-сервисов и SaaS приведет к тому, что многие, привыкнув к использованию онлайн-сервисов и SaaS и осознав их преимущества, продолжат активно использовать их и после окончания пандемии. Это приведет к росту спроса на SaaS и онлайн-сервисы.

В то же время организациями был приобретен опыт внедрения и использования онлайн-сервисов и облачных технологий, в том числе SaaS, произошло более четкое осознание их преимуществ. Благодаря этому возрастет заинтересованность организаций в онлайн-сервисах и облачных технологиях и упростится их внедрение.

Влияние этих факторов в полной мере проявится по мере постепенного восстановления экономики после спада, вызванного пандемией. Это, вероятно, приведет к увеличению темпов роста объема рынка облачных технологий в среднесрочной перспективе.

При этом вероятно, что на темпы роста рынка облачных технологий, как и на темпы роста рынка информационных технологий в целом, окажет негативное влияние дефицит полупроводников, приведший к росту цен на инфраструктуру. Применительно к облачным технологиям рост цен на инфраструктуру ведет к повышению себестоимости предоставляемых облачными провайдерами услуг.

Таким образом, перспективы российского рынка облачных технологий в целом и SaaS в частности являются благоприятными. Пандемия

демия COVID-19, несмотря на нанесенный ей экономический ущерб, благоприятно сказалась на динамике рынка SaaS, практически остановив замедление темпов роста объема рынка. При этом появились предпосылки к ускорению развития рынка облачных технологий в долгосрочной перспективе, которые в полной мере проявят себя в период выхода экономики из рецессии.

Литература

1. *Novais L., Maqueira J.M., Ortiz-Bas A.* A Systematic Literature Review of Cloud Computing Use in Supply Chain Integration // *Computers & Industrial Engineering*. – 2019. – Vol. 129. – P. 196–314.
2. *Megahed A., Nazeem A., Yin P., Tata S., Nezhad H.R.M., Nakamura T.* Optimizing cloud solutioning design // *Future Generation Computer Systems*. – 2019. – Vol. 91. – P. 86–95.
3. *Makhlouf R.* Cloudy transaction costs: a dive into cloud computing economics // *Journal of Cloud Computing*. – 2020. – Vol. 9. – Art. 1.
4. ТМТ Рейтинг «Российский рынок публичных облачных услуг – 2020–2021» // Аналитическое агентство «ТМТ Консалтинг». – URL: <https://bit.ly/31jrs5m>.
5. ТМТ Рейтинг «Российский рынок облаков – 2020: драйверы на самоизоляции» // Аналитическое агентство «ТМТ Консалтинг». – URL: <https://bit.ly/3d0zxy7>.
6. ТМТ Рейтинг «Российский рынок публичных облачных услуг – итоги 2018 г.» // Аналитическое агентство «ТМТ Консалтинг». – URL: <https://bit.ly/3xAQkRU>.
7. ТМТ Рейтинг «Российский рынок публичных облачных услуг – 2017» // Аналитическое агентство «ТМТ Консалтинг». – URL: <https://bit.ly/3oблиyo>.
8. Российский рынок бизнес-SaaS в 2014–2017 гг., прогноз до 2022 г. – URL: <https://bit.ly/3I7Hss0>.
9. Российский рынок бизнес-SaaS в 2014–2018 гг., прогноз до 2022 г. – URL: <https://bit.ly/3I8kkte>.
10. Оценка рынка бизнес-SaaS в России. Перспективы перевода персонала на удаленную работу – URL: <https://bit.ly/3rmQUS7>
11. Рынок бизнес-SaaS в России в 2020 г. и прогноз на 2021–2025 гг. – URL: <https://bit.ly/3rjTk4b>.
12. *Bello S.A., Oyedele L.O., Akinade O.O., Bilal M., Delgado J.M.D., Akanbi L.A., Ajayi A.O., Owolabi H.A.* Cloud computing in construction industry: use cases, benefits and challenges // *Automation in Construction*. – 2021. – Vol. 132. – P. 1–18.
13. *Anselmi J., Ardagna D., Lui J.C.S., Wierman A., Xu Y., Yang Z.* The economics of the cloud // *ACM Transactions on Modeling and Performance Evaluation of Computing Systems*. – 2017. – Vol. 2. – Is. 4. – P. 1–23.
14. *Гурьянова Э.А.* Трансакционные издержки организации в условиях информатизации экономики // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. – 2020. – № 6. – С. 33–39.

Информация об авторах

Гурьянов Артем Игоревич, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: artemgur01@gmail.com

Гурьянова Элина Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: elinagur@mail.ru

A.I. GURIANOV,

Student,

Kazan (Volga region) Federal University

E.A. GURIANOVA,

PhD in Economics, Associate Professor,

Kazan (Volga region) Federal University

RUSSIAN SAAS MARKET: TRENDS AND PROSPECTS

Abstract. SaaS is the most common cloud service model in Russia. The growing popularity of SaaS is due to the fact that SaaS has higher flexibility, scalability, and requires lower investment costs, as well as equipment maintenance and information security costs than on-premises software. However, the level of prevalence of business SaaS is currently not very high. The article analyzes and identifies trends and prospects of the Russian SaaS market as a whole and the Russian business SaaS market in particular. According to the results of the research, it can be concluded that the volume of both the SaaS market in general and the business SaaS market in particular is growing steadily. At the same time, the growth in market volume tends to slow down. This tendency was stopped in 2020. The volume of the business SaaS market is growing faster than the volume of the SaaS market. Because of this, the share of business SaaS in SaaS has a stable growth trend. The COVID-19 pandemic led to a significant increase in the demand for cloud technologies, including SaaS. This was caused by the need to transfer personnel to remote work, as well as an increase in demand for online services. Because of acquisition of the experience of using cloud technologies and online services by both organizations and private users during the pandemic period, the SaaS market has acquired prerequisites for accelerated development in the long run.

Keywords: information technologies, cloud technologies, SaaS, business SaaS market, cloud service models.

References

1. *Novais L., Maqueira J.M., Ortiz-Bas A.* A 2019. Systematic Literature Review of Cloud Computing Use in Supply Chain Integration // *Computers & Industrial Engineering*. – Vol. 129. – P. 196–314.
2. *Megahed A., Nazeem A., Yin P., Tata S., Nezhad H.R.M., Nakamura T.* 2019. Optimizing cloud solutioning design // *Future Generation Computer Systems*. – Vol. 91. – P. 86–95.
3. *Makhlouf R.* Cloudy transaction costs: a dive into cloud computing economics // *Journal of Cloud Computing*. – Vol. 9. – Art.1. – 2020.
4. TMT Rating “Russian public cloud services market 2020–2021”. – URL: <https://bit.ly/31jrs5m>.
5. TMT Rating “Russian cloud market 2020: drivers on self-isolation”. – URL: <https://bit.ly/3d0zxy7>.
6. TMT Rating “Russian public cloud services market – results of 2018”. – URL: <https://bit.ly/3xAQkRU>.
7. TMT Rating “Russian public cloud services market – 2017”. – URL: <https://bit.ly/3o6liyo>.
8. Russian business SaaS market in 2014–2017. Forecast until 2022. – URL: <https://bit.ly/317Hss0>.
9. Russian business SaaS market in 2014–2018. Forecast until 2022. – URL: <https://bit.ly/3I8kkte>.
10. Evaluation of the business SaaS market in Russia. Perspectives for transfer of personnel for remote work. – URL: <https://bit.ly/3rmQUS7>.
11. Russian business SaaS market in 2020. 2021–2025 forecast. – URL: <https://bit.ly/3rjTk4b>.
12. *Bello S.A., Oyedele L.O., Akinade O.O., Bilal M., Delgad, J.M.D., Akanbi L.A., Ajayi A.O., Owolabi H.A.* Cloud computing in construction industry: use cases, benefits and challenges // *Automation in Construction*. – Vol. 132. – 2021. – P. 1–18.
13. *Anselmi J., Ardagna D., Lui J.C.S., Wierman A., Xu Y., Yang Z.* The economics of the cloud // *ACM Transactions on Modeling and Performance Evaluation of Computing Systems*. – Vol.2, Is.4. – 2017. – P. 1–23.
14. *Gurianova E.A.* Transaction costs of the organization in the condition of informatization of the economy // *Intellect. Innovations. Investments*. – 2020. – No. 6. – P. 33–39.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «КАЗАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

1. Файл назвать как «Фамилия 1_Фамилия 2 (на русс.)_название статьи (3–5 слов, на русс.)_дд_мм_гг (дата, например 27_03_2017)».
2. Аннотация – не менее 150 слов (вместе с предложениями).
3. Ключевые слова – не менее 5 слов.
4. Объем статьи, включая таблицы и рисунки, не должен превышать 1 авт. л., т. е. 40 тыс. знаков (с пробелами).
5. Весь текст, рисунки и таблицы набираются шрифтом Times New Roman – 14; межстрочный интервал – 1,5; все поля – 2 см.
6. Рисунки, диаграммы и таблицы создаются с использованием черно-белой гаммы и должны быть редактируемы. Все рисунки и таблицы должны иметь название и ссылки в тексте (см. образец).
7. Список литературы – не менее 10 источников, в том числе с выходными данными из базы Scopus, WoS (не менее 5 источников).
8. Выходные данные источников оформляются по образцу. На каждый источник из списка литературы (References) должна быть ссылка в тексте в прямых скобках.
9. Текст должен быть структурирован (введение, методология, результат, заключение) по образцу.
10. Рукопись не должна быть опубликована ранее, быть оригинальной, представлять научный интерес и соответствовать тематике журнала. Ссылки на неопубликованные материалы в тексте не допускаются.
11. Все материалы должны носить открытый характер. Наличие ограничительного грифа служит основанием для отклонения материала от открытой публикации.
12. К рукописи необходимо приложить следующие сведения о авторе(ах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; место работы, должность; телефоны для связи с автором. Автор должен сообщить редакции также свой электронный адрес, по которому ему направляется файл статьи для предложений и исправлений (в соответствии с Законом об авторском праве).
13. Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.
14. В редакцию высылаются один тщательно вычитанный и подписанный автором (соавторами) экземпляр статьи, справка об авторе/ах (анкета), рецензия внешняя, аннотация на русском и английском языках, ключевые слова на русском и английском языках (по образцу) и электронный вариант всех документов на электронном носителе либо по электронной почте kpfu116@mail.ru

Электронная версия журнала «Казанский экономический вестник»

<http://www.ej.kpfu.ru>

Адрес редакции: 420012, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 4.

Телефон редакции: 291-13-26.